

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

В. МАЯКОВСКИЙ
В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ
НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

3 15472

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

В. МАЯКОВСКИЙ

В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ
НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1951

ПОГ А Ш Е Н О

ins 1951 АН СССР. Р. VI. 00. 3. № 14 5672

Ответственный редактор
В. А. СМЕРНОВА

Институт славяноведения Академии Наук Союза ССР настоящим выпуском начинает издание серии «Кратких сообщений».

В «Кратких сообщениях» будут публиковаться материалы научных сессий и заседаний Института славяноведения АН СССР, хроника работы Института, авторефераты диссертаций по славяноведению. Кроме этого в «Кратких сообщениях» будут помещаться статьи по актуальным проблемам истории, литературы славянских народов и славянского языкознания, а также рецензии на книги и статьи, публикуемые в СССР и странах народной демократии.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННОЙ ЗНАЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА
В. МАЯКОВСКОГО
В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
СЛАВЯНСКИХ СТРАН
НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

*

Сессия состоялась 20 апреля 1950 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировое значение советской культуры, отражающей наивысший этап в развитии всего человечества, возрастает с каждым днем. Интерес к культуре советского народа особенно велик в странах народной демократии, вступивших на путь строительства социализма. Естественно, что трудящиеся этих стран в культурном строительстве используют великий опыт страны социализма, и писатели стран народной демократии, создавая новое, социалистическое искусство, обращаются к советской литературе — самой идейной, «самой передовой литературе в мире»¹.

Исключительно велик в странах народной демократии интерес к классикам советской литературы — Горькому и Маяковскому, ибо в произведениях двух гигантов советской литературы с наибольшей глубиной отразилось существо социалистической эпохи.

Имя талантливейшего поэта Великой Октябрьской социалистической революции Владимира Маяковского давно известно народам славянских стран. Уже в начале 20-х годов XX столетия произведения Маяковского, как в переводах, так и в оригинале, были широко известны читателям Польши, Чехословакии, Болгарии.

Революционизирующее значение поэзии Маяковского огромно. Известны многие примеры того, как воспринималось творчество великого поэта общественностью этих стран, как в период господства буржуазной реакции произведения Маяковского поддерживали моральный дух борцов за политическую свободу, укрепляли веру в торжество революционных идеалов. Маяковский помогал революционной литературе Болгарии, Польши, Чехословакии в ее борьбе против деградирующего буржуазного искусства. Он явился живым примером поэта нового типа — поэта-борца, поэта большевистской партийности. К Маяковскому обращаются как к представителю нового, социалистического мира, создателю социалистической поэзии.

Многие поэты славянских стран называют Маяковского своим учителем. И это глубокая правда. Маяковский показал поэтам славянских стран выход из тупика идеалистической буржуазной эстетики, необходимость перехода на позиции революционной поэзии. С обращением к Маяковскому связано идейно-художественное обогащение творчества группы прогрессивных поэтов, более глубокое усвоение ими принципов высокой идейности, партийности искусства.

Прогрессивные общественные круги вели острую борьбу за Маяковского с буржуазной реакцией, которая боялась Маяковского, видя в нем трибуна революции, пыталась воспрепятствовать распространению его произведений, стремилась затушевать революционный пафос его поэзии.

¹ Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». — «Правда», № 198 от 21 VIII 1946 г.

Несмотря на это, острое слово советского поэта проникало в народные массы, совершая свое революционное дело.

После освобождения от фашистских захватчиков Болгарии, Польши, Чехословакии Маяковский стоит как правофланговый в боевом строю революционных поэтов этих стран. Невиданно возросло количество переводов Маяковского на болгарский, чешский, словацкий и польский языки. Его произведения изучаются и обсуждаются. О советском поэте написаны целые книги и множество статей.

Все это красноречиво свидетельствует о значении Маяковского в идеологическом воспитании масс, о его роли в развитии социалистической литературы зарубежных стран. В борьбе за литературу социалистического реализма поэты стран народной демократии стремятся использовать богатейший опыт основоположника социалистической поэзии.

Воздействие Маяковского на литературу стран народной демократии — яркий пример животворного влияния советской литературы, которое способствует расцвету в этих странах культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Нашему советскому читателю неизвестны многие факты из общественной и литературной жизни стран народной демократии, связанные с именем Маяковского. Между тем факты эти представляют большой интерес, и давно назрела потребность в их освещении. Публикуя в настоящем выпуске «Кратких сообщений» материалы научной сессии Института славяноведения Академии Наук СССР, посвященной Маяковскому, мы исходим из желания удовлетворить эту потребность хотя бы в небольшой мере.

Д. Ф. Марков

МАЯКОВСКИЙ И БОЛГАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ

... сегодня

на нас устремлены

глаза всего света...

В. Маяковский. «150 000 000»

Вопрос о роли Маяковского в болгарской революционной поэзии еще не подвергался широкой научной разработке. Между тем важность постановки такого вопроса несомненна.

С начала 20-х годов, с тех пор как в болгарской печати появились первые сведения о советском поэте и первые переводы его произведений, о нем написаны и опубликованы в различных периодических изданиях десятки статей. Но при всем этом роль Маяковского в развитии болгарской литературы выяснена далеко не достаточно. Академик Тодор Павлов в 1940 г. справедливо писал, что в статьях критиков не было «более или менее углубленного отношения к вопросу о влиянии Маяковского на наших поэтов, никакой постановки теоретических и практических проблем. . .»¹

Очень мало сделано и в последние годы. В этом убеждает нас близкое знакомство с критической литературой о Маяковском, сравнительно полно представленной Болгарским библиографическим институтом².

Значительная часть статей посвящена популяризации творчества советского поэта, что, разумеется, важно и необходимо, но не отвечает на поставленные вопросы о влиянии Маяковского на болгарскую поэзию. В этом плане написано чрезвычайно мало, да и то, что написано, не может быть принято без серьезных оговорок. Следует назвать статьи: «Маяковский у нас» Г. Цанева³, «Маяковский и Гео Милев» К. Генова⁴ и некоторые другие.

Авторы указанных статей, написавшие ценные работы по истории болгарской литературы, — известные болгарские литературоведы. Приходится сожалеть, что в последние годы они не вернулись к вопросу о влиянии Маяковского на болгарских поэтов, чтобы пересмотреть свои старые взгляды. Нет развернутых статей на эту тему и других авторов. Таким образом, статьи Г. Цанева, К. Генова, а также статья Т. Павлова, о которой речь будет идти ниже, являются пока единственными

¹ Тодор Павлов. Поезията на В. Маяковский и някои основни въпроси на литературната теория и практика. София, 1940, стр. 73.

² См. библиографию переводов произведений Маяковского на болгарский яз., стр. 26—32.

³ «Изкуство и критика», София, 1940, кн. 4.

⁴ «Училищен преглед», София, 1947, кн. 3.

работами, специально посвященными вопросу о влиянии Маяковского на болгарскую революционную поэзию.

Основной недостаток статей Г. Цанева и К. Генова коренится в формалистском подходе к вопросу о литературном влиянии. Приведя ряд интересных фактов, свидетельствующих о литературной близости болгарских поэтов к Маяковскому, Цанев не пошел дальше — к раскрытию идейного влияния советского поэта. Он ограничился установлением сходства внешних, формальных моментов (в статье регистрируются случаи литературных совпадений), что, разумеется, далеко не решает вопроса о влиянии.

Суживает вопрос о роли Маяковского в болгарской революционной поэзии и критик К. Генов, который пытается в своей статье установить отношение известного революционного поэта Болгарии Гео Милева к советскому поэту. Сопоставляя поэму Гео Милева «Сентябрь» с поэмой Маяковского «150 000 000», Генов приходит к неверному выводу, будто Гео Милев просто подражал Маяковскому. Факт литературного подражания, по мнению Генова, явление обычное. Сползая на позиции идеалистической эстетики, автор считает, что литературный процесс основан на действии каких-то всеобщих и непреложных законов литературных заимствований и что значительность каждого отдельно взятого поэта определяется тем, кто на него влиял и у кого он заимствовал. «Каждый срывает плоды с веток, до высоты которых дорос»¹, — это выражение чешского философа-идеалиста Отокара Бжезины Генов не только приводит, но и солидаризируется с ним.

Вполне понятно поэтому, что статья К. Генова не могла правильно осветить роль Маяковского в творческом развитии Гео Милева. Генов не показал ни Маяковского, как подлинного учителя, ни Гео Милева, как поэта, который творчески воспринимал поэзию Маяковского и под ее воздействием шел к реализму. При таком подходе к вопросу о литературном влиянии стираются как национальные особенности поэмы Милева, так и сила революционного новаторства Маяковского.

Против формалистских извращений вопроса о влиянии Маяковского на болгарских поэтов выступил в свое время академик Тодор Павлов. В своей статье «Маяковски у нас»², направленной против статьи Г. Цанева того же названия, он справедливо говорил, что одно формальное сходство не может выражать сущность литературного влияния.

Полемизируя с Г. Цаневым, Т. Павлов не ставил целью анализировать конкретные факты связей болгарских поэтов с Маяковским. Вопрос о роли Маяковского в болгарской поэзии, о его воздействии на творчество группы болгарских поэтов — Гео Милева, Крума Кюлявкова, Христо Радевского и др. — и поныне не получил освещения с позиций марксистского литературоведения³.

¹ «Училищен преглед», София, 1947, кн. 3, стр. 219.

² Тодор Павлов. На литературни и философски теми. София, Нариздат, 1946.

³ Когда настоящая статья уже была сдана в печать, мы получили возможность ознакомиться со статьей Симеона Русакиева «Маяковский и развитие болгарской литературы», напечатанной в сборнике «Годишник на Софийския университет» (Ежегодник Софийского университета), т. XLV, 1949 г., кн. 4. Статья эта представляет несомненный интерес и ценность, однако страдает существенными недостатками. Хотя ход общих рассуждений автора в основном правильный, но в конкретном решении вопроса о влиянии Маяковского на болгарских поэтов Русакиев все же ограничивается установлением текстовых совпадений и не идет дальше — к раскрытию национального своеобразия болгарских поэтов, испытавших влияние Маяковского; с другой стороны, Русакиев рассматривает вопрос о влиянии, исходя лишь из общности мотивов в творчестве Маяковского и революционных поэтов Болгарии, что приводит его часто к весьма произвольным сопоставлениям и выводам.

Наши советские слависты этим вопросом специально не занимались. Единственной работой на эту тему является статья Л. Фейгельман «Маяковский в славянских странах»¹, представляющая несомненную ценность как первый шаг на пути к изучению этого вопроса. Но вряд ли возможно охватить в журнальной статье такую обширную тему. Здесь, очевидно, нужно разграничить круг вопросов, чтобы избежать схематизма и дать некоторые обобщающие выводы.

Настоящая статья ограничена рамками одной страны — Болгарии. Кроме того, из всей суммы вопросов (восприятие творчества советского поэта болгарской общественностью, печатные издания и популярность его произведений, история и анализ переводов Маяковского на болгарский язык и др.), связанных с влиянием Маяковского как выразителя идей Великой Октябрьской социалистической революции, на первый план выдвинут только один вопрос — о роли Маяковского в болгарской революционной поэзии. Но и в этом плане данную статью следует рассматривать лишь как наметку будущей более углубленной работы.

* * *

Чтобы ярче представить себе роль советского поэта в болгарской революционной поэзии, необходимо изучить литературный процесс периода проникновения произведений Маяковского в болгарскую литературу.

В начале XX в. болгарская буржуазия видела в растущем социалистическом движении своего смертельного врага. Рабоплествуя перед иностранным капиталом, она использовала «опыт» идеологической борьбы западноевропейской буржуазии как противодействие революционной борьбе народа. Она старалась ввести интеллигенцию в круг идейных течений буржуазного Запада. В болгарской литературе появились различные течения декаданса. Вначале это был индивидуализм Пенчо Славейкова, позже — символизм, объединивший большую группу поэтов в 10-х годах XX века.

Болгарской литературе грозили западноевропейские идейно-литературные влияния тех лет и особенно символизм, который своими космополитическими устремлениями вел к отрыву искусства от народных основ культуры.

Буржуазии противостояли пролетариат и крестьянство. Их активность значительно возросла под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Об этом свидетельствуют такие крупные события, как Владайское восстание солдат (1918), рост стачечного движения на железных дорогах, фабриках и заводах.

Идеологическая борьба революционных классов против буржуазии была борьбой и за создание революционной литературы, противостоящей буржуазным литературным течениям.

В этом большом процессе созидания нового искусства огромную роль сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее идеи оказали влияние на формирование мировоззрения Христо Смирненского, который стал к началу 20-х годов самым выдающимся поэтом болгарского пролетариата. Ее идеи помогли поэтам Х. Ясенову, Г. Милеву, Л. Стоянову порвать с символизмом и перейти на сторону революционного народа. Этим бывшие символисты спасли себя от неминуемой творческой гибели и приобщились к народно-общественной жизни своей страны.

Период с 1917 по 1923 г. можно было бы назвать для значительной

¹ «Новый мир», М., 1948, кн. 4.

(впоследствии ведущей) группы болгарских прогрессивных поэтов периодом идейно-художественного самоопределения. Именно в этот период и вошел в болгарскую литературу Владимир Маяковский. Он вошел как поэт революции, как носитель тех идей, возрождающую силу которых болгарские писатели уже начали испытывать.

Сфера влияния Маяковского на болгарских поэтов несравнимо шире и глубже простого подражания. Советский поэт влиял на болгарских поэтов всем своим революционным духом, высокой идейностью своих произведений. Он воспринимался ими как новый тип поэта-борца, участника политической жизни народа. Маяковский указывал пути к обновлению и содействовал развитию национальной революционной поэзии Болгарии.

Необычайно велика роль Маяковского в ускорении процесса распада символизма и в переходе отдельных болгарских поэтов в лагерь революционной поэзии. В этом отношении характерна творческая эволюция поэта Гео Милева.

Милев был первым переводчиком Маяковского на болгарский язык. Еще в 1921 г. он перевел «Наш марш», а в 1923 г. — большой отрывок из поэмы «150 000 000» и другие произведения.

Гео Милев обязан советскому поэту своим выходом из того тупика, в который завела его немецкая идеалистическая эстетика. До знакомства с поэзией Маяковского Милев был символистом, рупором реакционной идеологии болгарской буржуазии. Под влиянием французских и особенно немецких символистов он увлекся теориями «искусства для искусства». Его творчество в эти годы шло вразрез с национальными интересами болгарского народа. Находясь в плену буржуазных литературных течений, поэт мог написать лишь такие незначительные произведения, как, например, «Черные хоругви» (1914), где воспеты душевная тоска и одиночество.

Во время первой мировой войны Милев был на фронте. События войны вызвали новые мотивы в его творчестве. Это был бунт против ужасов войны, проповедь буржуазного пацифизма.

Конечно, родившиеся под влиянием войны пацифистские настроения не заключали в себе никакой революционности. Но для индивидуалиста Милева в них было нечто новое и положительное. При соответствующих общественных условиях они могли явиться первой ступенью в идейно-художественном развитии поэта, в отходе его от «чистого искусства» к изображению реальной действительности.

С Милевым, однако, в первые годы после войны этого не произошло. Поэт жил вдали от родины. В течение 1918—1919 гг. он находился в Германии и увлекался немецким экспрессионизмом. Об этом свидетельствуют воспоминания его жены Милы Милевой, сопровождавшей его в поездке за границу¹.

Глубоко ошибочным поэтому является мнение некоторых болгарских критиков, например Пенчо Пенева, который писал, что пребывание Милева в Германии было якобы фактом большого значения; что Милев вернулся оттуда обогащенный идеями, впечатлениями, личными знакомствами с писателями и художниками². Это мнение нашло отражение в работах и других критиков.

Между тем творческая деятельность Гео Милева свидетельствует о противоположном. Я приведу лишь два убедительных факта. В Берлине в 1918 г. Милев написал статью «Театральное искусство». Там же он на-

¹ «Гео Милев. Вспоменателен сборник». София, 1936, стр. 31.

² Пенчо Пенев. Гео Милев. Живот и творчество. София, 1945, стр. 35.

писал значительную часть стихотворений цикла «Жестокий пръстен» (Жестокое кольцо). Нетрудно убедиться, что в указанных произведениях Милев остается на позициях формализма.

В статье «Театральное искусство» Милев определяет поэзию как «ритмическое сочетание словесных элементов»¹. Высшим выражением искусства он считает символизм. Что касается реализма, то это, по словам Гео Милева, «бесцельное и бессмысленное копирование реальности. . . , несчастное искусство. . . величайшее заблуждение эстетики. . . » и т. д.²

Стихотворный сборник «Жестокое кольцо» служит иллюстрацией к теоретическим взглядам Милева. В стихах этого цикла говорится о туманных стремлениях поэта уйти в неведомые страны. Постигнуть смысл этих стихотворений невозможно. Милев придерживался в то время мнения, что «произведение строится не на основе ясных логических элементов, а на основе далеких психологических ассоциаций»³. Достаточно прочесть хотя бы два стихотворения из этого сборника: «Докато не отвърнеш ти поглед в самотно съмнение» (До тех пор, пока не отвернеш свой взор в сомнении одиночества) и «Мъртвешки зелена, сломена лежи луната» (Мертвецки зеленая, сломленная лежит луна), чтобы составить себе впечатление о том, до какого духовного убожества дошел Гео Милев в результате упомянутых «психологических ассоциаций». На стихах этого цикла лежит печать безжизненности, а не «обогащения идеями».

Действительное идейное и художественное обогащение Милева началось позже — под влиянием общественных событий в Болгарии. Это был поворот от мистики и космополитизма к широкой социальной тематике, к большому искусству реализма.

Период с 1917 по 1923 г. был, как уже указывалось, периодом революционного подъема в стране. Милев не остался в стороне от происходивших общественных событий. «К счастью, — пишет Т. Павлов, — гражданин и человек-борец также жили в Гео Милеве, а события пробудили, окрылили, вызвали энтузиазм этого гражданина и борца»⁴.

В общем идейном развитии Гео Милева, в его приближении к народу исключительно важную роль сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Она способствовала формированию его нового, революционного мировоззрения.

Уже в первых номерах журнала «Везни» (Весы), который Милев начал издавать с 1919 г., публиковались статьи о русской революционной действительности, о советской культуре. Особенно остро болгарского поэта интересовала судьба русского символизма. Распад символизма и приход некоторых поэтов-символистов к революции (Брюсов, Блок) заставили Милева задуматься о судьбах болгарского символизма и, следовательно, о своей собственной судьбе. В 1920 г. Милев перевел на болгарский язык поэму Блока «Двенадцать». Путь русского символиста, прошедшего от «Стихов о Прекрасной Даме» к изображению революции, был воспринят болгарским поэтом как факт большого значения.

Гео Милев начал понимать, что источником силы той новой поэзии, которую он почувствовал уже в поэме Блока, является новая революционная действительность. В 1921 г. («Везни», № 1) Милев опубликовал после смерти Блока статью, посвященную ему. Он высказал в ней свои мысли о революционной России. В статье подчеркивается глубокая народность

¹ «Гео Милев. Въспоменателен сборник». София, 1936, стр. 68.

² Там же, стр. 99.

³ Цит. по кн.: Пенчо Пенев. Гео Милев. . . София, 1945, стр. 84.

⁴ Т. Павлов. На литературни и философски теми. София, 1938, стр. 54.

русской революции. Милев считает, что Советская Россия является образцом подлинной демократической республики.

Взгляды Гео Милева на роль народа в общественном устройстве страны со всей очевидностью сказались в его позднейших выступлениях. В № 3 журнала «Везни» за 1921 г. помещена статья, в которой говорится об общественной жизни Болгарии. Эстет и индивидуалист, до этого так далеко стоявший от общественной жизни, Милев заговорил теперь о судьбе своего народа и выразил свое отношение к происшедшим событиям. Он пишет о великой революционной традиции, которую завещали такие деятели болгарского народа, как Георгий Раковский, Христо Ботев и другие. Милев клеймит антинародное правительство, которое толкнуло народ на войны, превратившие страну в «прогнивший труп — добычу для падких до лакомства ворон»¹.

Естественно, что поэт, проникшийся новыми революционными идеями, не мог сохранить старые эстетические представления. Он должен был притти к новому искусству.

В поисках нового искусства Гео Милев пришел к Маяковскому. Именно Маяковский помог болгарскому поэту на его пути к революционной поэзии.

В 1921 г. Милев опубликовал свое «Воззвание» — обращение к писателям о необходимости создания нового искусства. В этом же номере редактируемого Милевым журнала («Везни», № 4) помещено переведенное им стихотворение Маяковского «Наш марш». «Воззвание» и перевод — интересные документы творческого развития Гео Милева. Между ними есть определенная логическая связь.

«Воззвание» — документ, свидетельствующий о начавшемся отходе Гео Милева от символизма. Это бунт поэта против «чистого искусства», против тех, кто, по словам Милева, пишет «уточенные стихи, гладкие, со звонкой рифмой и плавным слогом — стихи, исполненные изысканных образов: прелестных глаз женщин, луны, взошедшей над спящим озером, солнца, заходящего за далекие леса, одинокой пальмы и т. д.»². Выступая против такого искусства, Милев, однако, не мог еще предложить свою конкретную поэтическую программу. Он говорит о «вышей, вечной жизни духа, жизни альтруистического человечества»³. Из его рассуждений ясно только, что поэт не принимает старого и нащупывает новые пути.

Разумеется, стихотворение Маяковского «Наш марш» не является образцом нового революционного искусства, но в нем все же слышался пафос революции. Милев знал и другие произведения Маяковского. Он считал, что новое искусство должно притти из революционной России. В этой связи напечатание «Нашего марша» в той же книжке журнала «Везни», где было опубликовано и «Воззвание», симптоматично: оно указывало на новую ориентацию болгарского поэта.

Поэт с большим поэтическим дарованием, Гео Милев сознавал, что новая поэзия Болгарии должна родиться в борьбе за революционное преобразование всего общественного строя. Он понимал уже, что эстетское искусство символизма обречено на гибель и все более отходил от него. Этот отход был ускорен теми крупными революционными событиями, непосредственным свидетелем которых был Милев.

Речь идет прежде всего о Сентябрьском вооруженном восстании 1923 г., которое хотя и было подавлено, но показало беззаветный героизм бол-

¹ Цит. по кн.: Пенчо Пенев. Гео Милев. ..., стр. 51.

² «Гео Милев. Вспоменателен сборник», стр. 104.

³ Там же.

гарского народа, его волю к борьбе за свободу. «Сентябрьская буря, — писал Гео Милев, — привела в движение все массы народа. . . Пробил решительный час борьбы для всех. . . Борьба народа — борьба и интеллигенции. Будущее народа — будущее интеллигенции. Давайте строить это будущее»¹.

«Строить будущее» означало для Милева работать над созданием новой, революционной поэзии для народа. К этому он шел под влиянием революционной поэзии Маяковского. Маяковский воспринимался Милевым как поэт масс, как поэт революции. «Может быть, самый великий поэт, выдвинутый в последние годы революцией, — пишет Гео Милев о Маяковском и продолжает: Поэт революции. Без революции он едва ли бы нашел простор для стремительного полета своего ритма»².

Приведенные слова свидетельствуют о понимании Милевым того, что сила поэзии Маяковского в ее революционности. На примере Маяковского Гео Милев видел, что путь к истинному творчеству лежит через приобщение к народу. И сам он шел по этому пути. Решительным поворотом в сторону революции была его деятельность в журнале «Пламя» (1924). К этому периоду относится полный идейный разрыв Милева с символистской поэзией.

Разделяя взгляды Маяковского на поэзию, как на искусство, призванное служить народу, Гео Милев писал о символизме: «Башня из слоновой кости, убежище поэзии и тайник поэтов, лежит разбитая, в жалких обломках. . . Мы останемся там, где Народ: с Народом, среди Народа»³.

Статьи, помещенные в журнале «Пламя», говорят о том, что Милев не просто отходил от символизма, а вел с его приверженцами открытую и яростную борьбу. Его опорой в полемике против декадентов был Маяковский. «Маяковский, — писал Гео Милев, — поэт миллионно взволнованной улицы, открывает и вносит в мировую лирику новые тона, каких до него еще не знала литература. . .»⁴.

Гео Милев видит в советском поэте новатора, понимает, что сущность этого новаторства в новом художественном методе и хочет постигнуть тайны этого реалистического метода.

К тому времени Гео Милев был уже активным участником общественно-политической жизни своей страны. Он стал кандидатом в члены коммунистической партии. У него уже созрела мысль об изображении только что отгремевших сентябрьских событий 1923 года. На путях к этой теме Милев испытывал немало трудностей. Мировоззрение его еще далеко не сложилось. Пережитки старой, буржуазной, идеологии тормозили его творческий рост. Болгарский поэт преодолевал их под воздействием революционной поэзии Маяковского. Он творчески использовал опыт автора поэмы «150 000 000», и это во многом помогло ему создать такое крупное произведение, как поэма «Сентябрь», справедливо вошедшее в основной фонд болгарской литературы.

В своей поэме Гео Милев изображает революционный подъем и борьбу болгарского народа в период Сентябрьского вооруженного восстания. Сама идея поэмы обусловила ее близость к поэме Маяковского «150 000 000».

¹ «Пламя», 1924, кн. 6, стр. 202.

² Цит. по кн.: Пенчо Пенев. Гео Милев. . . , стр. 64—65.

³ «Пламя», 1924, т. I, кн. 1, стр. 44—45.

⁴ Цит. по кн.: Пенчо Пенев. Гео Милев. . . , стр. 65.

Чему же учился Гео Милев у Маяковского и как это отразилось на творчестве болгарского поэта?

В поэме «150 000 000» Маяковский воплотил в ярких художественных образах идею слияния поэта с революционным народом. В самом начале поэмы он провозглашает:

150 000 000 мастера этой поэмы имя. . .
150 000 000 говорят губами монми.¹

На протяжении всей поэмы Маяковский говорит от имени народа. Это революционное мироощущение Маяковского властно захватило Гео Милева и отразилось с исключительной силой в его поэме «Сентябрь». Бывший символист, недавний защитник принципов индивидуализма, Гео Милев говорит здесь от имени народной массы. Во всей поэме чувствуется движение народа — его борьба и страдания. Творчество поэта органически слилось с народом в этой борьбе.

Поэма Милева «Сентябрь» открывается героико-романтическим изображением восставшего народа. Ее начало напоминает начало поэмы Маяковского. Болгарский поэт стремился овладеть методом изображения массовости, всенародности революционного движения. Подобно Маяковскому, который для воспроизведения размаха борьбы писал о том, как «снимались с якорей губернии», Милев рисует массовый подъем народа, создает картину страны, повсеместно охваченной восстанием. Движение массы, ее социальный облик определены указанием на то, что восставшие пришли —

Из дебрей пустынных,
с полей запыленных,
поросших бурьяном,
из сел разоренных,
из фабрик
и складов,
из люков
и доков,
домов
и бульваров,
со шхун,
пароходов,
из шахт
и заводов. . .²

Приведенный текст очень близок к стихам Маяковского:

«Мы пришли сквозь столицы,
сквозь тундры прорвались,
прошагали сквозь грязи и лужищи.
Мы пришли миллионы,
миллионы трудящихся,
миллионы работающих и служащих.
Мы пришли из квартир,
мы сбежали со складов,
из пассажиров, пожаром озаренных.

¹ В. В. Маяковский. Полное собр. соч. в 12 томах, т. 6, М., ГИХЛ, 1940, стр. 9. В дальнейшем все ссылки даются на это издание. — *Ред.*

² Текст поэмы Милева всюду приводится в переводе М. Павловой, Сборник «Поэзия борьбы и победы», М., 1950, стр. 33.

Мы пришли миллионы,
миллионы вещей,
изуродованных,
сломанных,
разоренных. . .

Мы спустились с гор,
мы из леса сползлись,
от полей, годами глоданных. . .¹

Сопоставление поэмы «Сентябрь» с поэмой «150 000 000» убеждает также в наличии формальной близости, даже отдельных заимствований. Факты эти несомненны и их игнорировать не следует. Они являются прежде всего признаком того, что именно Маяковский, а не кто-либо другой влиял на Гео Милева. Они говорят также и о том, как трудно было Милеву в новых общественных условиях находить себя как поэта: на него давил еще груз старой символистской поэтики, от которой он так и не мог полностью освободиться до конца жизни. Поэтому вполне объяснимым, даже неизбежным кажется то, что в процессе этой борьбы нового со старым Гео Милев наряду с усвоением общих принципов поэзии Маяковского прибегал иногда и просто к заимствованиям.

Неправильным, однако, было бы отождествлять отдельные литературные заимствования как внешний признак влияния с сущностью самого влияния. Основной результат влияния Маяковского — это идейное обогащение, которое помогло выявлению художественной индивидуальности Милева. Чтобы увидеть это, обратимся к фактам.

Известно, что революционная идея борьбы двух миров составляет канву поэмы Маяковского «150 000 000». Поэму характеризуют две основные черты: резко выраженный сатирико-обличительный пафос при изображении мира эксплуататоров и пафос революционного утверждения при изображении борьбы народных масс.

Та же идея легла в основу поэмы Милева «Сентябрь». Воплощая ее в образы на конкретном материале болгарской действительности, Милев достигает огромной силы художественной оригинальности.

Трудовой народ и угнетатели изображены как два противостоящих друг другу враждующих лагеря. Место поэта на стороне народа. Неприимная ненависть к врагам является источником огромной сатирико-обличительной силы при их изображении. Милев достигает исключительного эмоционального напряжения в главах 6, 7, 8 и 9, изображающих кровавую расправу фашистов с восставшим народом.

Враги изображены как презренные воры, как убийцы («темные гости»). Дикому произволу садистов соответствует картина «низко упавшей ночи — глухо и страшно замкнутой». По окровавленной земле бродит во мраке смерть.

Распростерли черные руки
Виселицы
(Привидения в мертвой мгле).
И гремит ужасным маршем
В кость ударивший теспор,
И горящих сел пожары
Озаряют кругозор. . .

Поэт клеймит террористов: их бандитизм символизирован в названии американской фашистской организации Ку-клукс-клан.

¹ В. В. Маяковский. «150 000 000». Полное собр. соч., т. 6, стр. 18.

2 Краткие сообщения

Революционная борьба народа овеяна романтикой героизма, верой в торжество справедливых идеалов.

Милев воспел в поэме доблесть павших патриотов. Десять расстрелянных — это народные герои Болгарии. Описание их гибели потрясающе: они упали в мертвые воды Марицы, их понесла окровавленная и скорбная река. Эпитеты мертвые воды, скорбная река подчеркивают убитые надежды родины, а начальные слова национального гимна «Шуми, Марица, окървавена...» звучат как печально-торжественное прославление подвигов десяти безыменных героев.

Сентябрьское восстание, как известно, было подавлено. Но несмотря на это, концовка поэмы звучит оптимистически. Что же явилось источником революционного оптимизма? Нет сомнений, что этим источником была для Гео Милева героическая борьба болгарского народа и победа Октябрьской революции в России, свет ее великих идей, то-есть то, что было моральной опорой для всех трудящихся Болгарии.

Революционное мироощущение позволило поэту закончить поэму страстными словами веры в конечную победу народа:

Нам сентябрь будет маем!
Пусть воспрянут для свободы
Человеческие всходы —
И земля нам
Будет раем,
Будет раем!

В этом изображении революционного будущего Милев говорит как национальный поэт, его устами провозглашаются временно подавленные, но не угасшие стремления миллионов болгарских трудящихся.

Для реакционеров эти слова звучали как страшная угроза. Поэма была запрещена. Прислужники Цанкова подвергли Милева жестокому преследованию. В 1925 г. поэт был арестован фашистской полицией и исчез. Повидимому, он был расстрелян или заживо сожжен в печи парового отопления охранки, как были в это же время сожжены замечательные революционные поэты Христо Ясенов и Сергей Румянцев.

Через двадцать лет после опубликования поэмы Милева разразился новый Сентябрь, в котором сказались и революционная традиция и опыт Сентября 1923 г., так вдохновенно воспетого Милевым. Строки о том, что «Сентябрь будет маем» восторженно произносили трудящиеся Болгарии, когда в сентябре 1944 г. страна, в результате освобождения от фашизма, стала Народной республикой.

Эта жизненность поэзии Гео Милева является плодом связи поэта с революционным движением в стране, результатом влияния идей Октябрьской революции, изображение которой Милев нашел у Маяковского. Влияние Маяковского на болгарского поэта — типичный пример революционной роли всей советской литературы. Обогащая идейно, способствуя формированию метода изображения действительности, поэзия Маяковского содействовала творческому росту Гео Милева, проявлению и развитию национальных черт его поэтического таланта.

Проф. Диневков в докладе о болгарской поэзии в 1945 г. говорил, что Гео Милев понял и талантливо использовал стихотворную систему Маяковского, что под влиянием Маяковского Гео Милеву удалось «создать тот подлинный стих, который отражает динамический темп революции»¹.

¹ Сборник докладов, читанных на 1-й национальной конференции писателей Болгарии. София. 1945, стр. 140.

Принимая «новое искусство динамики и ритма», Гео Милев идет по пути разрушения эстетических принципов символизма: рафинированному языку декадентов он противопоставляет язык улицы, язык широких народных масс; «благозвучию» — ритмичный грохот революционных событий.

В поэме «Сентябрь» Милев стремится передать движение масс, динамику событий. Он разнообразит ритм в зависимости от содержания, использует смысловую паузу как средство подчеркивания отдельных слов и выражений. Группы слов или отдельные слова выделяются в самостоятельные строки.

Вот пример ритмики Гео Милева:

Тысяча вер —
вера в народный восход.
Тысячи воля —
воля к жизни, что в сердце живет.
Тысячи гневных сердец —
в каждом огненный знак.
Тысячи черных рук.
Видишь.
багряный
круг?
Это
подняли
красный
стяг!
Он висит на ветру
высоко,
широко,
Трепеща
как живой,
Над мятущейся,
Над развороченной
гневом
страной.
А под ним —
Бури
яростный
плод:
Тысячи,
масса,
народ!

Поэма Милева «Сентябрь» — выдающийся художественный памятник периода Сентябрьского восстания 1923 года. Ее автору удалось верно нарисовать размах революционных событий, выразить глубокую уверенность болгарского народа в торжество грядущей победы. Но несмотря на все положительные качества, в этой поэме сказалась и ограниченность мировоззрения Гео Милева. Болгарский поэт не успел стать последовательным революционером, не изжил еще идеологию мелкобуржуазного бунтарства. Вследствие этого он не сумел показать Сентябрьское восстание как организованную борьбу трудящихся под руководством коммунистической партии и изобразил его как стихийное движение масс.

Тем же причинами объясняется и то, что нехарактерный частный случай (героизм попа Андрея из Медковец) эффектно описан Милевым:

в поэме, в то время как в ней нет индивидуализированных образов представителей главных движущих сил восстания — рабочих и крестьян.

Можно было бы указать и на некоторые другие недостатки поэмы «Сентябрь». Но и достоинства ее бесспорны.

Сложен был путь Гео Милева: он шел к революции, прорываясь через туманы мистики, мучительно сбрасывая груз символизма. И в этой борьбе со старым, в страстных поисках нового, в движении к реалистическому искусству неоцененную услугу оказал ему Маяковский.

Поэма «150 000 000», оказавшая наиболее сильное влияние на Гео Милева, не лишена недостатков: в ней за символикой и аллегорическими образами недостаточно ясно проступают конкретные черты пролетарской революции. Это, разумеется, снижает ее революционизирующую силу.

Гео Милев не мог знать таких зрелых произведений Маяковского, как поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!» и вступление в поэму «Во весь голос». Но и в раннем послереволюционном творчестве советского поэта он увидел уже поэзию нового, революционного мира.

Мы остановились на вопросе об отношении Милева к Маяковскому сравнительно подробно ввиду значительности той роли, которую сыграл советский поэт в художественном развитии Гео Милева, в переходе его из лагеря символистской поэзии в лагерь революционной литературы. Но роль Маяковского в болгарской поэзии этим не исчерпывается.

Болгарские революционные поэты постоянно ощущают в своих рядах присутствие Маяковского. Немалую роль сыграло творчество советского поэта в период фашистской диктатуры (1923—1944), когда литературная реакция, объединившаяся вокруг журнала «Златорог», пыталась оторвать искусство от народа, увести его на путь эстетских исканий.

В тяжелых условиях приходилось тогда работать болгарским революционным поэтам. Но они стремились сохранить верность народу. В борьбе с реакцией они отстаивали общественное назначение искусства, его революционную действенность. В этой борьбе болгарские поэты опирались на Маяковского как на образец высокой идейности. Особенно велик был их интерес к послеоктябрьскому творчеству советского поэта. Показательно, что из всех произведений Маяковского, переведенных на болгарский язык, только три-четыре относятся к до-революционному периоду. Остальная же масса — это произведения, написанные Маяковским после 1917 г., когда поэт преодолел в своем творчестве формалистские пережитки и высказывался «во весь голос».

Маяковский живет в творческом сознании всех крупных болгарских поэтов. Многие из них могли бы рассказать о роли советского поэта в их индивидуальной творческой судьбе.

Христо Радевский, болгарский поэт, занимающий одно из ведущих мест в современной болгарской литературе, рано стал участником революционной борьбы народа, вступил в коммунистическую партию. Активная деятельность Радевского начинается в 30-х годах текущего столетия. Его творчество в главных своих чертах развивалось в русле партийной революционно-пролетарской поэзии. Но были у Радевского и творческие срывы. В течение некоторого времени он находился под влиянием индивидуалистических настроений. Только активное участие в общественно-политических событиях страны помогло Радевскому изжить эти вредные влияния. Нет сомнений, что на Радевского в этой эволюции оказал благотворное влияние и Маяковский, определивший всей силой своей поэзии «место поэта в рабочем строю».

Радевский — страстный пропагандист поэзии Маяковского. Начиная с 1936 г., он перевел на болгарский язык значительную часть его произ-

ведений, среди которых отрывки из поэмы «Хорошо», «Юбилейное», «Прозаседавшиеся», «Необыкновенное приключение» и др.

Болгарский поэт не всегда правильно воспринимал эстетические принципы Маяковского. Иногда (например в поэме «Мечта») он сбивался на путь формализма, приближаясь лишь внешне к советскому поэту (в ритмике), и отходил от революционной сущности его поэзии. За это справедливо упрекнул Радевского в 1940 г. академик Тодор Павлов¹.

Но необходимо сказать, что Радевский постоянно стремился к глубокому восприятию принципов эстетики Маяковского. Поэзия для Радевского — гражданский долг, служение народу. В своем стремлении быть достойным певцом революционной борьбы трудящихся Радевский опирается на поэтический опыт Маяковского.

Интересно предисловие Радевского к сборнику «Избранных стихотворений» Николы Вапцарова. Радевский ставит в заслугу Вапцарову именно его близость к Маяковскому. Вот что сказано в этом предисловии в связи с общей оценкой творчества Вапцарова: «Он, как говорит поэт (имеется в виду Маяковский. — Д. М.), добывал из тысяч тонн руды грамм радия. . . Стихотворение для него было как войсковая часть, которая должна быть подтянутой и дисциплинированной, чтобы действовать безупречно»². Как видно из цитаты, Христо Радевский считает творчество советского поэта высшим достижением революционной поэзии, на которое нужно равняться остальным.

Надо полагать, что наиболее сильное впечатление на Радевского произвел Маяковский своими «приказами по армии искусств» и особенно вступлением в поэму «Во весь голос». Здесь болгарского поэта увлекла не только революционная страсть, с которой Маяковский говорит об общественной функции поэзии, но и оригинальность образов, с такой силой врезающихся в память:

Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти,
и к бессмертной славе.³

Покоренный силой стихов Маяковского, Христо Радевский в стихотворении «Автобиография» (1935) говорит о высоком назначении поэзии, сравнивая ее, вслед за Маяковским, с войсковой частью:

Я — командир!
Не страшна
мне война.
Строю слова
и веду их
в атаку.

¹ Т. Павлов. Маяковский у нас. Сб. «На литературни и философски теми». София, 1946.

² Никола Йонков Вапцаров. Избрани стихотворения. София, 1946, стр. 8.

³ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 178.

Светел мой путь,
и задача
ясна:
рушить твердыни
насилия и мрака¹

Сила влияния Маяковского объясняется тем, что он с наибольшей полнотой выразил идеи революции. Он — первый поэт, решительно ставший в ряды борцов за новое, социалистическое общество. Ему удалось незабываемыми образами передать слияние поэта с коллективом, нарисовать образ поэта — труженика, поэта — рядового бойца:

Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше, —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!²

Революционная идея слияния поэта с народом близка и Радевскому, который определяет свое место в общественной борьбе, как место рядового безымянного бойца. Обращаясь к партии, он говорит:

И в миллионном штурме
Против разноликого врага
Я не Радевский, не Христо,
а безымянный твой боец³

Влияние стихотворений Маяковского чувствуется во многих других стихах Радевского. Приведем еще стихотворение «На един самоубийцу» (Одному самоубийце), написанное в 1935 г. Как бы определяя общее направление этого стихотворения, Радевский взял к нему для эпиграфа известные слова Маяковского из стихотворения «На смерть Есенина»

В этой жизни
помереть не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.⁴

И почти переводом этих строк на болгарский язык звучат заключительные строки упомянутого стихотворения Радевского:

Умереть
это так легко,
Жить —
это подвиг большой!

Таких примеров у Радевского немного, и не ими определяется влияние Маяковского. Болгарский поэт учится у советского определению общественной функции поэзии и пониманию места поэта в революционной борьбе. В этом смысле влияние Маяковского бесспорно и огромно.

¹ Перевод П. Железнова, сб. «Поэзия борьбы и победы». М., 1950, стр. 113.

² В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 179.

³ Подстрочный перевод.

⁴ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 8, стр. 21.

Оно распространяется и на все те произведения Радевского, где вовсе нет прямых текстовых совпадений.

В настоящее время Христо Радевский — ответственный секретарь Союза болгарских писателей. В своих выступлениях о болгарской поэзии он не раз указывал на необходимость творческого использования богатого наследия Маяковского.

Пожалуй, нет в Болгарии ни одного значительного поэта, который не выразил бы своего отношения к Маяковскому. Интересен, например, приход к Маяковскому такого поэта, как Людмил Стоянов.

30-е годы были для Стоянова-поэта периодом решительного отхода от символизма и одновременно периодом становления революционного метода изображения жизни. Разрывая с прошлым, поэт шел к революционной поэзии. На этом пути он обратился к поэзии Маяковского, которая была для него не только надежной опорой в борьбе против буржуазной эстетики, но и лучшим образцом революционной лирики.

В сборнике «Земная жизнь», объединяющем стихи 1928—1939 гг., нетрудно увидеть внешние признаки и плоды знакомства с поэзией Маяковского. Стихи «Родина», цикл стихов об Испании знаменуют отход от привычного для Стоянова стиха к интонационному стиху, от символистской неясности к художественному реализму. В этих стихах созданы значительные образы революционной действительности. В связи с десятилетием со дня смерти Маяковского Стоянов в 1940 г. опубликовал статью о жизни и деятельности советского поэта и перевел на болгарский язык стихотворение «Внимательное отношение к взяточникам». Позже (1945) он перевел поэму «В. И. Ленин», «Стихи о советском паспорте» и др. Работа над переводами помогает Стоянову глубже понять поэтические принципы Маяковского, опыт которого он стремится творчески использовать в своей лирике.

Взгляд на советского поэта как на яркое явление мировой культуры характерен для всех болгарских литераторов.

Большой интерес в связи с этим представляют высказывания революционного поэта современной Болгарии Крума Кюлявкова, который считает, что путь, проложенный Маяковским, — это общий путь всей революционно-демократической поэзии мира. В статье о Маяковском Кюлявков пишет: «В настоящее время много говорится о подражаниях Маяковскому. Считают, что число его подражателей изо дня в день увеличивается. Это верно, но только отчасти. Миссия Маяковского еще не оценена достаточно правильно. Бесспорно, что подражателей у Маяковского много. Но подражание не искусство, а только его тень. А между тем многие из тех, кто идет по пути Маяковского, — истинные таланты, поэты большого значения. Дело в том, что идти по пути, указанному Маяковским, поэту с ясной индивидуальностью, имеющему свои образы, мысли и чувства, имеющему что сказать миру, — это не подражание. Это переломный момент в истории поэзии вообще...»¹

Крум Кюлявков, несомненно, прав — дело отнюдь не в подражателях. Если бы круг влияния Маяковского ограничивался только ростом числа подражателей, т. е. поэтов не оригинальных, то это влияние не было бы столь значительным. Маяковский в болгарской литературе — пример высокой идейности, мастерства, образец героической борьбы и труда. Все новые вопросы в болгарской революционной поэзии связаны в какой-то степени с именем Маяковского. На него ссылаются в доказательство своей правоты, у него учатся.

¹ К р у м К ю л я в к о в, Искусство и политика. София, 1947, стр. 247.

В книге Крума Кюлявкова «Искусство и политика» имя Маяковского упоминается не только в тех трех небольших статьях, которые специально посвящены советскому поэту. Кюлявков говорит о нем и при решении общих теоретических и практических вопросов литературы. Так, например, он призывает к развитию гражданской поэзии — и ссылается на Маяковского; он говорит о развитии политической лирики и малых жанров агитационной поэзии — и опять советует учиться у Маяковского, который, как никто другой из поэтов, имел право сказать о себе:

... Я
народа водитель
И одновременно —
народный слуга...

Кюлявков и сам во многом следовал Маяковскому в своем творчестве. Ему близок тип поэта-борца, отдающего все свои силы народу.

Кюлявков учился у Маяковского умению каждой строкой участвовать в борьбе и не пренебрегать никакими поэтическими жанрами. Наряду с эпосом перу болгарского поэта принадлежит ряд острых политических агитационных стихотворений на злобу дня.

Болгарская критика говорит, что как писатель-реалист Кюлявков сформировался под непосредственным влиянием советской культуры в период его пребывания в Советском Союзе. Судя по воспоминаниям самого Кюлявкова, опубликованным в 1947 г.¹, из советских писателей именно Маяковский оставил неизгладимый след в его творческом сознании.

Владимир Маяковский пользуется в Болгарии большой популярностью. Круг читателей его огромен, у него много последователей. Дело, однако, не в одной только популярности. История литературы дает нам примеры популярности и других писателей, но редко кто может сравниться с Маяковским по значительности той роли, какую играет он в общем процессе развития болгарской революционной поэзии.

Выступая в 1945 г. с докладом на Первой национальной конференции писателей в Софии, проф. Динеков говорил, что вся болгарская революционно-демократическая поэзия развивалась и развивается под знаком влияния Маяковского². Лучшие болгарские поэты стремятся творчески использовать и развить традиции великого советского поэта. Но есть среди болгарских поэтов и такие, которые идут по линии простого подражания³. В этом поверхностном восприятии Маяковского виноваты, конечно, прежде всего сами поэты, но немалую роль в их заблуждении сыграли и теоретические работы формалистов.

Сторонники формалистского подхода к вопросу о влиянии Маяковского на болгарскую поэзию приходят обычно к ложным и практически вредным выводам. Они устанавливают наличие внешнего формального сходства и пытаются представить это внешнее сходство как близость к Маяковскому. В поисках же ответа на вопрос о близости того или иного поэта к Маяковскому надо исходить из самой сущности влияния советской литературы, которое неотделимо от общего влияния нашей советской идеологии.

¹ К. К ю л я в к о в. Искусство и политика. София, 1947.

² См. сборник докладов на 1-й национальной конференции писателей Болгарии. София, 1945, стр. 140.

³ Этих подражателей довольно резко, но справедливо высмеивает поэт Богомил Райнов в сатирическом стихотворении «Разговор с Маяковским» [см. в кн. К р у м К ю л я в к о в: «Оградата се люшка» (Качающаяся изгородь). София. Нариздат, 1945, стр. 415].

Влияние советской идеологии настолько значительно, что без учета этого явления просто невозможно понять процесс развития болгарской революционной литературы. Не единичны примеры, когда в значительной степени благодаря этому влиянию вырастали поэты большого национального значения.

Таков Христо Смирненский. Из болгарских поэтов начала 20-х годов именно он ближе всех стоял к Маяковскому. Смирненский сформировался в период 1919—1923 гг. На его мировоззрение бесспорное влияние оказала Октябрьская революция, которую поэт стремился глубоко понять и за развитием которой непрерывно следил. Он посвятил ей цикл великолепных произведений, среди которых особенно примечательны: «Красные эскадроны», «Москва», «Три года» и др.

Поэт-коммунист Христо Смирненский беззаветно служил своему народу. Он отразил с наибольшей художественной полнотой эпоху революционного подъема в Болгарии накануне Сентябрьского восстания 1923 года.

Между Смирненским и Маяковским очень много общего, хотя между ними нет внешней, формальной близости. Обоих поэтов сближает идейная направленность их творчества. Можно согласиться с академиком Т. Павловым, который писал: «Образная и заражающая эмоциональная сила стихотворений Смирненского и его способность возбуждать энтузиазм и приводить в движение массы могут быть сравниваемы только с основными чертами лирики Маяковского. В этом отношении никто другой из наших поэтов, начиная с войны, не приближался так к Маяковскому вопреки видимой с первого взгляда внешней разнице между стихотворными формами и языковыми средствами обоих поэтов»¹.

Эти строки были написаны академиком Т. Павловым, когда еще не успел выразить себя замечательный талант Николая Йонкова Вапцарова, поэта, который так близко стоит к Маяковскому, как никто другой до него в болгарской поэзии.

Вапцаров — явление исключительное в болгарской литературе. О нем надо написать целую книгу, чтобы нарисовать мужественный образ революционера и поэта. В его деятельности слились воедино поэтическое слово и личный подвиг, борьба и вдохновенная песня.

Никола Вапцаров был прежде всего коммунистом, верным сыном болгарского рабочего класса, которому он беззаветно служил до конца своей жизни. В период второй мировой войны Вапцаров вел борьбу против политики болгарского правительства, продававшего страну фашистской Германии. Поэт выступал за союз с СССР, видя в этом союзе единственный путь спасения родины.

В 1942 г. Вапцаров был арестован. Фашистская полиция подвергла его чудовищным истязаниям. Но в нем жил дух коммуниста, готового жертвовать собой для дела трудящихся. Фашисты расстреляли поэта. За несколько часов до расстрела он написал волнующие строки о своей безграничной любви к народу, в победу которого верил до последнего вздоха.

Поэт понимал логику истории. Он видел, как поднимаются и идут за Советским Союзом народы мира. Героическую смерть в такой борьбе он называет песнью:

Но умереть в тот час,
когда смывает
с себя земля
столетний яд и плесень,

¹ Т. П а в л о в. Поезията на В. Маяковски и някои основни въпроси на литературната теория и практика. София, 1940, стр. 83—84.

Когда миллионы
к жизни воскресают —
Да, это будет
лучшая
из песен!¹

Вапцаров — выдающийся поэт болгарского рабочего класса. Его мировоззрение формировалось в 30-х годах, в период оголтелой фашистской реакции, накануне второй мировой войны. Взгляд поэта был обращен к Советскому Союзу, к его культуре, революционная сила идей которой помогала ему расти и приобщиться к революционной борьбе своего народа.

Из советских писателей Вапцаров выше всех ценил Горького и Маяковского. Он знал и любил их произведения, воспитывался на них. Живший некоторое время с Вапцаровым поэт Радой Ралин вспоминает, с каким увлечением Вапцаров всегда говорил о Маяковском. Он видел в нем поэта-борца, непосредственного участника общественных событий: «О Маяковском он говорил часто. Цитировал его стихи и рассказывал случаи из жизни.

— Теперь бы жить Маяковскому. Со своим лирическим оружием он обошел бы весь фронт. Он оказывался бы там, где враг наиболее активен, он не давал бы врагу отдохнуть»².

Вапцаров глубоко понимал и творчески воспринимал новаторскую силу советской литературы. Он далек от каких бы то ни было литературных заимствований. Советская литература воспринималась им как выразительница новой морали, нового, коммунистического, мировоззрения, и в этом прежде всего он видел ее историческую миссию.

Сила произведений советских писателей заключена в силе революционной идеологии. Об этом именно говорит Вапцаров в своем стихотворении «Горький»:

Когда мы читали
«На дне»
или «Мать»,
свет пробивался
сквозь мрачные своды завода,
глаза у людей
начинали сиять.³

Болгарский поэт творчески воспринимал Маяковского. Он близок ему партийной страстностью своей поэзии. Единство поэта с народом — основа всей деятельности Вапцарова. Его лирический герой, это — коммунист-борец, это он сам. Духовный и моральный облик поэта характеризует глубокая вера в будущее народной победы:

И верю я —
сквозь мрак и ночь
пройдем мы,
Сломаем лед
упорством и отвагой,
И день придет —
на горизонте темном
Заря блеснет
огромным
красным
стягом!⁴

¹ Перевод М. Павловой, сб. «Поэзия борьбы и победы». М., 1950, стр. 76.

² «Септември», София, 1949, № 1, стр. 87.

³ Перевод П. Железнова, сб. «Поэзия борьбы и победы». М., 1950, стр. 62.

⁴ Перевод М. Павловой, там же, стр. 76.

Вапцаров близок Маяковскому и исключительной свободой интонации, к которой он проявил замечательное поэтическое чутье. В этом наглядно убеждают уже приведенные три отрывка из его произведений. Смысловая нагрузка отдельных слов и выражений обусловила выделение их в самостоятельные строки.

Перечитывая стихи Вапцарова, нетрудно убедиться в богатстве ритмических построений. Поэт не стеснен никакими рамками. Он талантливо создает поэтические размеры в зависимости от выражаемого им идейно-эмоционального содержания.

Язык произведений Вапцарова прост. Поэт умело использовал сокровищницу народного творчества и достиг во многих своих стихах большой выразительности.

Создавая свои произведения, Вапцаров, подобно Маяковскому, думал о тех, для кого он писал. В своих стихах он разговаривал с широкими народными массами. Поэтому форма лирического рассказа характерна для многих его стихотворений.

Творчество Николая Вапцарова — выдающееся достижение болгарской революционной поэзии. В нем сказалось умелое использование поэтического наследия прошлого — традиций Ботева, Смирненского, а также творческое восприятие последних достижений мировой революционной лирики — новаторской поэзии Маяковского.

После 9 сентября 1944 г. начался новый период в развитии болгарской революционной поэзии. В результате происшедших общественных изменений коренным образом изменилось и отношение писателей к социальной действительности. В прошлом они вырастали в борьбе против реакционного политического режима. Теперь мы видим другое: в стране создан тот общественный строй, который реально воплощает идеалы широких трудящихся масс. Поэты, естественно, стали на путь революционного утверждения новой, социальной действительности.

Новый общественный строй близок общественному строю Советского Союза. На пути к построению социализма и созданию социалистической культуры Народная республика Болгарии использует богатый опыт Советской страны.

Писатели Болгарии включаются в кипучую жизнь созидания социалистического общества, стремятся запечатлеть сегодняшний день и заглянуть в будущее, стремятся показать героизм своего народа, а это неизбежно ведет их к необходимости овладения методом социалистического реализма. Они вновь обращаются к Маяковскому — создателю социалистической лирики, так как в его творчестве глубоко выразились принципы социалистического реализма. Количество переводов произведений советского поэта на болгарский язык лишь за последние три года превышает в несколько раз количество переводов, сделанных в течение предшествующих 25 лет. Конечно, здесь сказались общественные условия в стране, — при диктатуре фашизма трудно было переводить и пропагандировать Маяковского. Но, несомненно, что в настоящее время особенно возрос интерес к советскому поэту. Он связан с теми новыми задачами, которые должна решить современная болгарская поэзия.

Трудно назвать всех болгарских поэтов, изучающих творческий опыт Владимира Маяковского. Его переводят и пишут о нем очень многие. В числе переводчиков — родоначальник пролетарской поэзии, старейший болгарский поэт Д. Полянов, поэтесса М. Грубешлиева. Поэты Крум Кюлявков и Богомил Райнов издали отдельные книги произведений Маяковского в переводах на болгарский язык.

Начиная с 20-х годов, в боевой шеренге революционных поэтов Болгарии неизменно выступает Маяковский. К нему обращались с вопросами в периоды заблуждений — и он указывал выход из тупика. У него искали поддержки в борьбе с буржуазной реакцией в искусстве — и Маяковский приходил на помощь: учил революционной страстности и коммунистической партийности. К нему, как к главарю мировой революционной поэзии, обращаются болгарские поэты и теперь, в период строительства социализма — и Маяковский ведет их, указывает пути к вершинам социалистической литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Переводы произведений В. Маяковского на болгарский язык

Отдельные книги

Избранные стихотворения. Переводы Крума Кюлякова. Киев, Гос. изд-во нац. меньшинств в УССР, 1937. (Содержание: Необычайное приключение. — Юбилейное. — Разговор с фининспектором о поэзии. — Стихи о советском паспорте. — Отрывки из поэм «Владимир Ильич Ленин», «150 000 000» и «Хорошо!»).

Стихи. Пер. Б. Райнова. София, 1945, 64 с. (Содержание: Левый марш. — Сказка о дезертире. — Стихи о советском паспорте. — Любовь. — Канцелярские привычки. — Сергею Есенину. — Разговор с фининспектором о поэзии. — Возьмем винтовки новые).

Как делать стихи? Пер. и очерк «Творческий образ Маяковского» Ст. Станчева. София, 1945, 72 с., 1 портр.

Избранные стихи. Пер. Хр. Радевского, Б. Райнова. София, изд-во БРП(к), 1946, 108 с. (Содержание: Ничего не понимают. — Гимн судье. — Наш марш. — Левый марш. — Отрывки из поэмы «150 000 000». — Необычайное приключение. — Сказка о дезертире. — Прозаседавшиеся. — Про что про это. — Юбилейное. — Любовь. — Канцелярские привычки. — Разговор с фининспектором о поэзии. — Сергею Есенину. — Возьмем винтовки новые. — Стихи о советском паспорте. — Разговор с товарищем Лениным. — Птичка божия. — Я счастлив. — Отрывки из поэмы «Хорошо!»).

Владимир Ильич Ленин. Поэма. Пер. и предисловие Л. Стоянова. София, изд-во БРП(к), 1947, 98 с., 2 портр.

Хронологический указатель переводов (по первой публикации произведений на болгарском языке)

1921

Наш марш. Пер. Г. Милева, — «Везни», 1921, март, № 4, с. 61—62. Перепечатано: «Кръщение с огън и дух». 1923 (2-е изд.; 1945), с. 44.

1923

Голод в Поволжье. Пер. Г. Милева. — «Кръщение с огън и дух», 1923, с. 45—48. (2-е изд.; 1945).

150 000 000 (отрывки). Пер. Г. Милева. — «Везни», 1923, с. 77—80.

Перепечатано: «Кръщение с огън и дух», 1923, с. 49—60. (2-е изд.; 1945); Христоматия по български език и литература за VII кл., 1945, с. 347—352; Делин. Христоматия на новата европейска и славянска литература. 1946, с. 118—123.

Слушайте, каналъи. Пер. Г. Милева. — «Везни», 1923, с. 75—77.

1925

В мастерской стиха. — «Наковалия», 1925, январь, № 48, с. 2.

¹ Настоящая библиография составлена Болгарским библиографическим институтом, который любезно предоставил ее в наше распоряжение. — *Ред.*

1929—1930

Левый марш. Пер. Ризора. — РЛФ, 1929—1930, № 16, с. 2.
 Потрясающие факты. Пер. Ризора. — РЛФ, 1929—1930, № 16, с. 20.
 Из поэмы «150 000 000». Пер. Д. И. Полянова. — «Наковалня», 1930, апрель, № 109, с. 4.

1932

Пролог из поэмы «Война импр». Пер. Л. Дойчева. — «Пламя», 1932, январь, № 4, с. 3.

1933

Братья писатели. Пер. М. Грубешлиевой. — «Щит», 1933, январь, № 7, с. 3.
 Перепечатано: «Лит. преглед», 1934, январь, № 13, с. 2.

1934

Теоретик. Пер. Т. П. — «Щит», 1934, январь, № 31, с. 3, «Славянски поети», 1945, с. 148—149.

1935

Весенний вопрос. Пер. Бленика. — ЛИК, 1935, январь, № 28, с. 3.

1936

Прочто про это. Пер. Хр. Радевского. — ЛИК, 1936, февраль, № 34, с. 5.
 Перепечатано: «Антология на съвременната руска поезия», 1938, с. 95—97; Маяковский Вл. Избрани стихове, 1946, с. 51—53.

Необычайное приключение. Пер. Хр. Радевского. — ЛИК, 1936, февраль, № 28, с. 4.

Перепечатано: «Развигор», 1937, август, № 12, с. 6—7; «Антология на съвременната руска поезия», 1938, с. 83—86; Маяковский Вл. Избрани стихове, 1946, с. 38—41.

Прозаседавшие. Пер. Хр. Радевского. — ЛИК, 1936, февраль, № 30, с. 4.

Перепечатано: «Антология на съвременната руска поезия», 1938, с. 81—82; Маяковский Вл. Избрани стихове, 1946, с. 49—50; Христоматия по български език и литература за VII кл., 1945, с. 358—359.

Птичка божия. Пер. Хр. Радевского. — ЛИК, 1936, февраль, № 23, с. 3.

Перепечатано: «Антология на съвременната руска поезия», 1938, с. 86—89; Маяковский Вл. Избрани стихове, 1946, с. 96—98.

Хорошо! (отрывки). Пер. Хр. Радевского. — ЛИК, 1936, февраль, № 29, с. 2.

Перепечатано: «Антология на съвременната руска поезия», 1938, с. 90—94; Христоматия по български език и литература за VII кл., 1945, с. 354—357.

1937

Хорошо! (отрывки). Пер. Кр. Кюлявкова. В кн.: Маяковский Вл. Избрани стихотворения, 1937.

Владимир Ильич Ленин (отрывки). Пер. Кр. Кюлявкова. — В кн.: Маяковский Вл. Избрани стихотворения, 1937.

Необычайное приключение. Пер. Кр. Кюлявкова. В кн.: Маяковский Вл. Избрани стихотворения, 1937.

Разговор с фининспектором о поэзии. Пер. Кр. Кюлявкова. В кн.: Маяковский Вл. Избрани стихотворения, 1937.

Стихи о советском паспорте. Пер. Кр. Кюлявкова. В кн.: Маяковский Вл. Избрани стихотворения, 1937.

150 000 000 (отрывки). Пер. Кр. Кюлявкова. В кн.: Маяковский Вл. Избрани стихотворения, 1937.

1938

Наш марш. Пер. Хр. Радевского. — «Антология на съвременната руска поезия», 1938, с. 80.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 23.

1940

Внимательное отношение к взяточникам. Пер. Л. Стоянова. — «Литературен глас», 1940, декабрь, № 479, с. 2.

Юбилейное. Пер. Хр. Радевского. — «Изкуство и критика», 1940, март, кн. 4, с. 184—187.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 54—62.

1945

Блек энд уайт. Пер. Л. Стоянова. — «Славяни», 1945, ноябрь, кн. 8, с. 267—268.

Перепечатано: «Славянски поети», 1945, с. 153—157.

Возьмем винтовки новые. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 60—62.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 88—89.

Канцелярские привычки. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 38—40.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 70—72.

Владимир Ильич Ленин (отрывки). Пер. Л. Стоянова. — «Славянски поети», 1945, с. 143—148.

Перепечатано: «Славяни», 1945, январь, кн. 2—3, с. 63—64; «Българо-съветска дружба», 1945, январь, кн. 4, с. 19—20 (второй отрывок); Хрестоматия по български език и литература за VII кл., 1945, с. 352—354 (третий отрывок); «Изкуство и критика», 1945, январь, кн. 4, с. 17—19 (третий отрывок).

Любовь. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 32—37.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 65—69.

Левый марш. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 11—12.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 24—25.

Вовесь голос (отрывки). Пер. Сим. Велчева. — «Раб. дело», XVII, 1945, № 117.

Сергею Есенину. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 41—47.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 82—87.

Сказка о дезертире. Пер. Б. Райнова. — «Младежка трибуна», 1945, кн. 5, с. 6—8.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 13—27; Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 42—48; «Младежка искра», XX, 1947, № 14 (отрывок); «Сливенско дело», 1947, март, № 78 (отрывок).

Разговор с инспектором о поэзии. Пер. Б. Райнова. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 2—3.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 48—59; Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 73—81.

Прозаседавшися. Пер. Л. Стоянова. — «Славянски поети», 1945, с. 158—159.

Перепечатано: «Славяни», 1946, февраль, кн. 2—3, с. 62.

Стихи о советском паспорте. Пер. Л. Стоянова. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 2.

Перепечатано: «Славянски поети», 1945, с. 150—153; «Дружба», 1947, февраль, № 54.

Стихи о советском паспорте. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 28—31.

Перепечатано в кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 90—92; «Литературен фронт», 1946, февраль, № 33, с. 1; «Бълг.-съветско единство», 1947, январь, № 19; «Литературен фронт», 1947, № 32.

Теоретик. Пер. Т. П. — «Славянски поети», 1945, с. 148—149.

1946

- Крым. Пер. К. Конярова. — «Лит. подем», 1946, январь, № 6, с. 4.
 Левый марш. Пер. Ив. Добрева. — «Лост», 1946, январь, № 8, с. 3.
 Мы не верим. Пер. Б. Райнова. — «Славяни», 1946, февраль, кн. 9, с. 290.
 Ничего не понимают. Пер. Б. Райнова. — Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 17.
 Последняя страничка гражданской войны. Пер. Вес. Ханчева. — «Бълг.-съвет. дружба», 1946, февраль, кн. 4, с. 2.
 Весенний вопрос. Пер. Бл. Димитровой. — «Младежка искра», XX, 1947, № 14.
 Разговор с товарищем Лениным. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 93—95.
 Перепечатано: «Сливенско дело», 1947, март, № 78.
 Гимн судьбе. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 18—19.
 Я счастлив. Пер. Б. Райнова. В кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 99—101.

1947

- Кем быть? Пер. Н. Трендафиловой. — «Весела дружина», XIV, 1947, № 23, с. 2—3, 5.
 Владимир Ильич Ленин (отрывки). Пер. Сим. Маринова. — «Нар. дело», 1947, март, № 742.
 Перепечатано: «Нар. женски глас», 1947, март, № 97, с. 1.
 Возьмем винтовки новые. Пер. Б. Райнова. — «Радио преглед», 1947, № 22, с. 5.
 Две Москвы. Пер. Ник. П. Тодорова. — «Изкуство», 1947, март, кн. 8, с. 752—754.
 Канцелярские привычки. — «Турист. ехо», 1947, с. 2.
 Левый марш. Пер. Б. Райнова. — «Радио преглед», 1947, № 22, с. 5.
 Перепечатано: «Млад. декламатор». София, изд-во ЦК СМ, 1949, с. 135—136; София, изд-во «Нар. печат», 1950, с. 99—100.
 Владимир Ильич Ленин (отрывки). Пер. Б. Райнова. — «Октомври 1917», 1947; «Читалище», XXVI, 1948, кн. 1, с. 24—26 (второй отрывок); «Раб. дело», XXI, 1949, январь, № 16 (третий отрывок).
 Хорошо! (отрывок) (Пер. неизв.). — «Нар. фар.», IV, 1947, апрель, № 771.

1948

- Прозаседавшися. Пер. Ив. Добрева. — «Раб. дело», XX, 1948, апрель, № 87.
 Стихи о Томе. Пер. Ив. Добрева. — «Културен живот». Прилож. к газ. «Раб. дело», XX, 1948, № 186.
 Черты нью-йоркской жизни трудны для понимания. (Пер. неизв.). — «Литературен фронт», 1948, апрель, № 31.

1949

- Блек энд уайт. Пер. Ив. Добрева. — «Литературен фронт», 1949, май, № 32.
 Прозаседавшися. Пер. Хр. Радевского. — «Млад декламатор», София, изд-во ЦК СМ, 1949, с. 143—145.
 Мы не верим. Пер. Б. Райнова. — «Септември», кн. 5, 1949, январь, с. 14.
 Мы не верим. Пер. Ив. Добрева. — «Изгрев», 1949, май, № 1320.
 Владимир Ильич Ленин. Пер. Л. Стоянова. — В сб.: «За Ленин», София, изд-во Союза болг.-сов. дружества, 1949, с. 25—31, «Евр. вест.», № 201, 23 янв. 1949 (второй отрывок); «Сливенско дело», V, № 171, 24 янв. 1949 (третий отрывок).
 Разговор с товарищем Лениным. Пер. Б. Райнова. — В сб. «За Ленин». София, изд-во Союза болг.-сов. дружества, 1949, с. 49—51; «Нар. женски глас», № 4, 19 января 1949.
 Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру. (Пер. неизв.). — В сб. «Октомври 1917», 1949, с. 133—135.

Хорошо! (отрывки). Пер. Хр. Радевского. — «Млад декламатор». София, изд-во ЦК СНМ, 1949, с. 137—142.

Что такое хорошо и что такое плохо? (Пер. неизв.). — «Дружника», кн. 5, янв. 1950, с. 8—9.

II. Болгарская критика о В. Маяковском

А. Владимир Маяковский. — «Хиперион», 1930, сентябрь, кн. 4, с. 188—191.

Александров Вас. Владимир Маяковский. По случаю 15-летия со дня смерти. — «Земляк», № 11, 14 апреля 1945, с. 12.

А. О. 18 лет без Маяковского. — «Труд», 1948, февраль, № 178.

Велов Владимир. Владимир Маяковский. 14 апреля 1930 г. — РЛФ, 1929—1930, № 16, с. 2.

Генов Крystю. Дух советской литературы. — «Простори», 1946, февраль, кн. III и IV, с. 65—67.

— Владимир Маяковский. Избранные стихи. Пер. Хр. Радевского и Б. Райнова. — «Език и литература», 1946, кн. III—IV, с. 77—79.

— Маяковский и Гео Милев. — «Учил. прегл.», XVI, кн. 3, 1947, с. 205—220.

Георгиев М. Мы учимся у Маяковского. — «Лит. бюлетин», 1947, январь, № 1, с. 1—4.

Делин Хр. Н. Владимир Маяковский. В кн.: «Европейска и славянска литература». Насоки и теми, 1946, с. 107—118.

Делчев Борис. Ленин о Маяковском. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 2.

Д (ойчев) Л (ю б о м и р). Владимир Маяковский. — «Пламя», 1932, январь, № 4, с. 3.

Загорев Дим. Владимир Маяковский. — «Изгрев», № 1089, 23 апреля 1948.

Зидаров Камен. Маяковский о поэзии. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 3.

Иеронимов Н. Маяковский, поэт Октябрьской революции. — «Изгрев», 1947, апрель, № 945.

Каратеодоров Васил. В. В. Маяковский. — «Народ», XXV, 1945, № 163.

Константинов Г. Владимир Маяковский. 10 лет со дня смерти великого русского поэта. — «Днес», 1940, январь, № 55.

Кюлявков Кр. Владимир Маяковский. — «Изкуство», кн. 1, 1945, январь, с. 36—40.

— Маяковский-агитатор. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 1—2.

— Маяковский-труженик. — «Раб. дело», XVII, 1945, № 177.

— Сила поэзии Маяковского. — «ЛИК», 1936, февраль, № 22, с. 1.

Марчевский Марко. Встреча с Маяковским. — «Лит. преглед», 1934, январь, № 13, с. 1.

— Владимир Маяковский (1894—1930). Маяковский. «Литературна енциклопедия». 2-е испр. и дополн. изд., т. I, 1946, с. 468—469.

Матеев Паптелей. Маяковский (стихотворение). — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 3.

— Маяковский (1894—1930). — «Нар. войска», 1945, январь, № 181.

— Маяковский — великий поэт новой России. — «Новини», 1946, февраль, № 57.

— Маяковский — великий поэт советской эпохи. — «Емос», 1947, № 3 (28).

— Маяковский-драматург. — «ЛИК», 1936, февраль, № 29, с. 2.

— Маяковский — поэт советской эпохи (резюме лекции Л. Стоянова). — «Народ», XVII, 1947, № 770; «Дружба», 1947, февраль, № 55.

Милев Гео. Владимир Маяковский. — «Кръщение с огнь и дух», 1923 (2-е изд., 1945), с. 43.

Милева Леда. Владимир Маяковский. — «Радио преглед», 1946, апрель.

М. Сл. Чествование Маяковского в Плевне. — «Изгрев», 1949, апрель, № 1392.

— 19 лет со дня смерти Маяковского. — «Бълг.-съв. дружба», кн. 4, 1949, апрель, с. 48.

Недялков Хр. Вл. Маяковский. Избранные стихи. Пер. Хр. Радевского и Б. Райнова. — «Нар. просвета», кн. 5, 1946, февраль, с. 222—223.

Н (Н) онев Б о г о м и л. Маяковский на сербском языке. — «Отеч. фронт», 1945, июль, № 270.

Овадия Д. Образ Ленина в поэзии Маяковского. — «Победа», 1947, № 75.

Осинин Д. Два литературных влияния (Маяковский и Есенин). — «Литературен фронт», 1946, март, № 10.

Павлов Тодор. Художественная форма в поэзии Маяковского. В кн.: На литературни и философски теми. 1938, с. 43—76.

— Поэзия Владимира Маяковского и некоторые основные вопросы литературоведения. София, 1940, 96 с.

— В. Маяковский. — «Млад. пекра», XX, 1947, № 14.

— Вл. Маяковский — великий советский поэт и публицист.

Вошло в кн. авт.: А. С. Пушкин, Максим Горький, Вл. Маяковский, Христо Ботев, Дим. Благоев. София, изд-во «Бълг. писат.», 1949, с. 65—82.

— Художественная форма в поэзии Владимира Маяковского. Разговорная речь, музыка и поэзия.

Вошло в кн. авт.: А. С. Пушкин, Максим Горький, Вл. Маяковский, Христо Ботев, Дим. Благоев. София, изд-во «Бълг. писат.», 1949, с. 83—101.

— Единство формы и содержания в поэзии Маяковского. Пушкин и Маяковский.

Вошло в кн. авт.: А. С. Пушкин, Максим Горький, Вл. Маяковский, Христо Ботев, Дим. Благоев. София, изд-во «Бълг. писат.», 1949, с. 102—123.

Полянов Д. И. Владимир Маяковский. — «Наковалня», 1930, апрель, № 199, с. 2—3, 9—11.

Попова Дафина. Как Маяковский писал стихи. — «Средношколко единство», 1946, февраль, № 13, с. 3.

Прахов Асен. Маяковский (1894—1930). — «Изгрев», 1945, январь, № 160.

Радевский Христо. 15 лет со дня смерти Владимира Маяковского. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 25, с. 1.

— Владимир Маяковский. — «Антология на съвременна руска поезия», 1938, с. 5—40.

— Владимир Маяковский. — «Раб. дело», XVII, 1945, № 177.

— Владимир Маяковский. — «Лит. фронт», 1948, апрель, № 31.

— Маяковский и Вапцаров. — «Културен живот», № 55, прилож. к газ. «Раб. дело», XX, 1948, июль, № 174.

Райнов Богомил. Владимир Маяковский. В кн.: Маяковски Вл. Стихове, 1945, с. 5—8.

— Владимир Маяковский. В кн.: Маяковски Вл. Избрани стихове, 1946, с. 7—14.

— Поэзия Маяковского. — «Литературен фронт», 1945, январь, № 26, с. 2.

Русакнев Симеон. Маяковский — великий поэт советской эпохи. Доклад, прочитанный в Софийском университете 14 апреля 1948 г. — «Език и литература», кн. 3, 1948, март, с. 170—186.

— Первая советская драма («Мистерия-буфф» Маяковского). — «Език и литература», кн. 4, 1949, апрель, с. 278—284.

— Владимир Маяковский. — «Трудово дело», XXI, кн. 3, 1949, с. 23.

Сборник, посвященный Маяковскому. София, изд-во «Ново изкуство», 1931, с. 6, портр. (Содержание: Хрелков Н. 14 апреля; Ламар. Владимиру Маяковскому по-маяковски, и др.).

Светославов Ю. Самоубийство русского большевистского поэта Маяковского. — «Духовна обнова», 1930, апрель, кн. 7, с. 22—23.

Станчев Стефан. Творческий образ Маяковского. В кн.: Маяковски Вл. Как се пишат стихове, 1945, с. 5—20.

Стоянов-Бигор Георгий. Владимир Маяковский (по случаю годовщины со дня смерти). — «Нар. младеж», 1949, апрель, № 233.

Стоянов Людмил. Десятилетие со дня смерти Владимира Маяковского. — «Лит. глас», XII, 1940, № 479, с. 1.

— Значение Маяковского. — «Литературен фронт», 1947, март, № 30(116), с. 1—2.

— В. В. Маяковский и поэма «Владимир Ильич Ленин». В кн.: Маяковски Вл. Владимир Ильич Ленин, 1947, с. 5—18.

Стоянов Петр. Лекция о Маяковском как о поэте революции, прочитанная председателем Союза болгарских писателей Людмилом Стояновым. — «Слив. дело», 1947, март, № 108, с. 4.

— Певец Октябрьской революции. Маяковский-художник. — «Изгрев», 1947, март, № 938.

Тодоров Ангел. Владимир Маяковский. Стихи. Пер. Б. Райнова. — «Съвременник», 1946, кн. 7, февраль, с. 408—409.

— Маяковский. Вошло в кн. авт.: Червено знаме. Избрани стихове 1944—1949, София, 1949, с. 57.

Ханчев Веселин. Владимир Маяковский. — «Бълг.-свят. дружба», кн. IV, 1946, с. 11—12.

Цанев Г. Маяковский у нас. — «Изкуство и критика», кн. 4, март, 1940, с. 188—201.

— Владимир Маяковский (1894—1930). — Хрестоматия по български език и литература за VII кл. 1945, с. 345—346.

— Владимир Маяковский. — Български език и литература за VII кл. на гимназиите, 1946, с. 181—194.

Цопев Йордан. Владимир Маяковский. По случаю 19-летия со дня смерти. — «Читалище», XXVII, 1949, апрель, № 8, с. 516—521.

— Владимир-Маяковский. — «Зем. защита», 1949, июль, № 201.

— Советская литература. Вошло в кн. авт. Беседи по литература, четени пред библиотекарския курс, проведен от ЦС на ОРПС. София, ОРПС, 1949, с. 63—71.

Янакиев Д. Владимир Маяковский. 1894—1930. — «Съвременната руска литература», 1941, с. 95—99.

— Современные русские писатели. Владимир Маяковский (1894—1930). — «Литературен глас», 1934, июль, № 253, с. 7.

С. В. Никольский

МАЯКОВСКИЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Мировое значение поэзии Маяковского неразрывно связано с мировым значением и могучей силой воздействия всей советской литературы. Отражая самую прогрессивную, социалистическую, идеологию, являясь зеркалом жизни социалистического государства, наша литература представляет качественно новый этап в развитии всей культуры человечества. «Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире»¹. Выросшая в жестокой и непримиримой борьбе с растленным буржуазным искусством, утверждающая принципы нового общественного строя, новую, социалистическую мораль, наша литература стала могучим фактором в борьбе трудящихся всего мира с капиталистическим рабством.

Маяковский является лучшим представителем советской поэзии. Сила Маяковского в том, что в его творчестве нашла органическое и всестороннее отражение наша советская эпоха. «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», — так определил роль и значение Маяковского И. В. Сталин.

Маяковский с полным правом называл себя «полпредом стиха». Таким «полпредом», представляющим самую передовую литературу в мире, Маяковский остается и в наши дни. Отразив в своих произведениях самое существо, самые важнейшие стороны советской эпохи, Маяковский продолжает и в наши дни активно участвовать в грандиозной борьбе трудящихся всего мира за социальную справедливость, в борьбе все растущего антиимпериалистического лагеря за мир, демократию и социализм.

Горячая любовь к Маяковскому среди широких читательских масс за рубежом, воздействие революционных принципов поэзии Маяковского на прогрессивные зарубежные литературы ярко свидетельствуют о действительности поэзии Маяковского, о могучей действенной силе всей советской культуры.

* *
*

Тему «Маяковский в Чехословакии» нельзя ограничивать только вопросом о воздействии творчества Маяковского на чехословацкую поэзию, на чехословацких литераторов. Маяковский — любимый поэт широких масс читателей Чехословакии, которые воспитываются на его поэзии,

¹ А. А. Жданов. Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей. М., 1934.

помогающей формировать социалистическое миропонимание широчайших народных масс, впервые получивших возможность свободного развития.

Еще в XIX веке русско-чешские литературные связи далеко выходили за пределы собственно литературной сферы. Классики русской литературы были известны читателю Чехословакии, как и свои национальные писатели. Проникнутая высокой идейностью, глубоким демократизмом, смело ставящая самые острые социальные проблемы, русская литература оказывала огромное воспитательное воздействие на чешское общество. Проф. З. Р. Неедлы, выступая на Съезде чехословацких писателей в марте 1949 г., отмечал: «Мы принадлежим к тому поколению, которое в молодости выросло на классическом русском романе. Мы действительно жили этим романом, независимо от того, были мы литераторами или нет. Мы жили этим романом и научились из него одной великой вещи. Мы научились понимать человека. Никакая другая литература не научила нас так глубоко понимать человека, как русская литература. Не научила нас этому в той же мере и никакая научная литература. Мы можем сказать, что на базе того знания, которое дал нам русский роман, выросло действительно новое поколение. И если сегодня мы говорим, что поколение 90-х годов отличается от предшествующего поколения интересом к социальным вопросам, то скажу прямо, что большую заслугу в этом имеют русская литература, русский роман»¹.

Тем более понятен исключительный интерес широчайших кругов чехословацкого общества к советской литературе, литературе социалистического реализма. Можно было бы привести десятки высказываний чехов и словаков, свидетельствующих о могучей воспитательной силе советской литературы, о ее значении для чехословацкого читателя. Если в Чехословакии в применении к русскому языку стало обычным выражение «язык прогресса», то советскую литературу очень часто называют «школой жизни».

«Что дает мне советская литература? — спрашивает профессор Карлова университета доктор Юлиус Доланский и отвечает: — То, чего не дает ни одна другая литература в мире. Она для меня больше чем литература. Искусство советских писателей и поэтов — сама жизнь. В нем кипит вся слава великой родины социализма. В нем всегда, и также в момент самых тяжелых испытаний, блещет беспримерный героизм боевой отваги и непобедимого мужества. Настойчиво и громогласно оно взывает грандиозным примером сознательного труда на большом пути к высочайшим целям настоящего человеческого братства.

Во всей мировой литературе я не нашел лучшего учителя жизни, жизни радостной и деятельной, чем в прекрасной литературе богатой страны Максима Горького и Маяковского, страны Ленина и Сталина»².

«Советская поэзия, на пороге которой стоит гигант Владимир Маяковский, — поэзия мужества, ясного дня, поэзия человечности, героизма и творческого оптимизма, — пишет поэт Вилем Завада. — Как не любить такого искусства и не наслаждаться им, как не любить таких авторов, таких людей и такое общество?»³

Советская литература — могучий фактор в формировании социалистической идеологии у трудящихся Чехословакии. Исключительная роль принадлежит в этом отношении классикам советской литературы —

¹ «Lidové noviny», 13 марта 1949, стр. 9.

² Там же, 4 ноября 1949, стр. 4.

³ Там же.

Горькому и Маяковскому. «Маяковский был для нас школой, — пишет молодой чешский поэт Станислав Нейман. — Мы учились по нему так же, как по политическим брошюрам. А порой, может быть, и больше»¹.

Горький и Маяковский широко известны в Чехословакии не только в переводах, но и в оригиналах. Близость чешского и словацкого языков русскому позволяет многим в Чехословакии читать Маяковского в подлиннике. О своих выступлениях в Праге Маяковский писал: «Это ведь единственный город за границей, где я могу разговаривать и выступать по-русски, не опасаясь, что меня неверно поймут»².

Широкие круги чехословацкого общества уже с 20-х годов знакомы с творчеством Маяковского. Чехи знают Маяковского по его личным выступлениям в Праге, они читают его произведения на русском языке и в переводах, которые неоднократно выходили в Чехословакии отдельными изданиями и, кроме того, очень часто, особенно после войны, появляются на страницах периодической печати. На сцене чехословацких театров не раз шли пьесы Маяковского.

Хронология знакомства чехословацкого общества с Маяковским уже освещалась в советской печати³. Поэтому целесообразно, напомнив основные факты, уделить главное внимание характеру воздействия поэзии Маяковского и ее роли в общественной жизни Чехословакии.

Первое знакомство чехов с поэзией Маяковского относится к 1919 г., когда в журнале «Червен» был опубликован «Левый марш». В январе 1921 г. в журнале «Кмен» появилось стихотворение Маяковского «Мы идем». В 1922 г. к 5-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в Праге была поставлена «Мистерия-буфф». В 1925 г. появилось первое издание перевода на чешский язык поэмы «150 000 000», этого «революционного эпоса», как названа поэма в подзаголовке перевода. К приезду Маяковского в Прагу (1927) его произведения получили уже значительную известность среди демократических слоев чешского общества. Что показательно, особенной любовью они пользовались среди рабочих как в столице, так и в провинции. Уже через день по приезду советского поэта в столицу Чехословакии пражский Пролеткульт обратился к нему с просьбой выступить на первом майском вечере перед фабрично-заводской аудиторией. В письме указывалось, что рабочие хотят лично познакомиться со своим любимым автором, произведения которого часто исполняются на предприятиях. Маяковский выступил тогда в театре «Освобоzene дивadlo» (Освобожденный театр), а через несколько дней состоялось его триумфальное выступление в Виноградском народном доме на вечере, организованном Обществом культурного и экономического сотрудничества с новой Россией. В зале, рассчитанном на 700 мест, присутствовало около 1500 человек. Маяковский прочитал доклад «Десять лет десяти советских поэтов» — о советской послеоктябрьской литературе. Вспоминая об этом вечере, проф. З. Р. Неedly пишет: «Маяковский читал стихи других поэтов и свои. Голос его, звучавший как гром, был поистине голосом другого неколебимого и всемогущего мира. И когда он стал читать «Левый марш», все собрание онемело от восторга. Литературный вечер превратился в манифестацию дру-

¹ «Směna», 1949, č. 12, стр. 16—17.

² В. К а т а н я н. Маяковский. Литературная хроника. Изд. 2-е доп. «Советский писатель», 1948, стр. 304.

³ Л ю б о в ь Ф е й г е л ь м а н. Маяковский в славянских странах. — «Новый мир», 1948, № 4, стр. 233—238.

жеских чувств чехов к России»¹. Выступление Маяковского получило широкий отклик в печати. Маяковский выступал именно как трибун революции, как представитель неколебимого и всемогущего мира социализма.

В течение 30 лет, отделяющих нас от появления первых переводов Маяковского на чешский язык, интерес к его творчеству в Чехословакии неизменно возрастал, причем это не был узко литературный интерес. Поэзия Маяковского всегда была близка и дорога прежде всего трудящимся, рабочим. Боевая поэзия Маяковского и в Чехословакии является острым оружием классовой борьбы и могучим средством революционного воспитания масс. Поэзия Маяковского живет полноценной жизнью в Чехословакии и играет активную роль на разных этапах борьбы чехословацких трудящихся.

Уже в 20-е годы поэзия Маяковского была проводником идей Великой Октябрьской социалистической революции. Стихи Маяковского несли чехословацкому читателю правду о стране социализма.

В период фашистской оккупации стихи Маяковского вселяли мужество в сердца борцов, заключенных в тюрьмы оккупантами. Станислав Нейман вспоминает, что стихи Маяковского были им услышаны в 1945 г. в заключении после страшных картин допросов и пыток. После того, как заключенные видели смерть десятков товарищей, кое-кто стал терять мужество. «Сидели сгорбленные у стены, подперев щеки ладонями. Один из них спросил: «Как вы думаете, долго еще мы останемся в живых?» И именно в эту минуту кто-то начал читать стихи:

Там
За горами гóря,
Солнечный край непочатый.
За голод,
За мора море
Шаг миллионный печатай!

• • • • •
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Все словно переменялось. Мы застыдились своей слабости и страха. Перестали говорить о смерти и начали говорить о жизни. И если кто-нибудь вспоминал о доме, то не отводил уже глаз к стене. Тогда эти стихи спасли нас от самого страшного: от того, чтобы позволить себя сломить»².

После освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков слово Маяковского было взято на вооружение чехословацкими рабочими и верно служило им в борьбе с врагами трудящихся, в борьбе с реакцией. Характерен такой факт. 1946 год. Приближались выборы в Национальное собрание Чехословакии. Подготовка к ним проходила в обстановке острой борьбы политических партий. За несколько недель до выборов коммунистический журнал «Творба» (Творчество) опубликовал на обложке плакат Маяковского из «Окон РОСТА», разоблачающий лживые

¹ Зденек Неедлы. Из истории связей советской и чехословацкой литературы. — «Новый мир», 1945, № 2—3, стр. 218.

² «Směna», 1949, с. 12, стр. 16.

демагогические посулы псевдорбочих партий. На плакате изображен социал-предатель, лобызаящий буржуя, и рабочий с красным знаменем РКП. Русский текст под рисунком, дублированный в журнале почешки, гласил:

Три короба наобещает такой рабочему,
А глядишь на деле — буржую друг истый.
Запомните это, товарищи,
Единственная ваша
Рабочая партия —
коммунисты.¹

Боевой революционный плакат 20-х годов ожил в новой исторической обстановке, в иной стране, и правда его слов, его художественного выражения снова определила его могучее агитационное воздействие.

В том же номере был воспроизведен другой плакат Маяковского: «Утопия — говорила буржуазия... (о победе рабочего класса. — С. Н.), а через несколько времени в утопии и утопла»².

Еще пример. 1947 год. Обострилась идеологическая борьба на культурном фронте. Прикрываясь левыми фразами, реакционеры от литературы протаскивали свои контрреволюционные идейки. С маскированными нападками на социализм выступал матерый реакционер, критик Вацлав Черный и его журнал «Критический месячник». «Творба» публикует выдержки из «Критического месячника» и комментирует их сатирическими строками Маяковского: «Марксизм — оружие, огнестрельный метод, применяй умеючи метод этот»³. Не потребовалось никаких дополнительных пояснений — так ярко и с такой силой разоблачали эти стихи реакционную сущность кощунственных выступлений Вацлава Черного.

В этой связи понятны роль и значение неоднократной публикации указанного и других стихотворений Маяковского на страницах чехословацких газет и журналов.

В феврале 1948 г. рабочий класс Чехословакии поднялся, чтобы дать отпор прощам реакции, пытавшейся вернуть страну в лагерь империализма. В эти дни группа молодых актеров и режиссеров Академической студии музыкального искусства выступила с постановкой пьесы Маяковского «Баня». Журнал «Творба» оценивал эту постановку как манифестационный акт, направленный против буржуазии и ее приспешников. Журнал указывал, что молодые деятели театра не случайно обратились в эти дни к искусству той страны, «которая является самой могучей боевой крепостью будущего и радости мира»⁴. Пьеса, политическую идею которой, по словам Маяковского, составляла «борьба с узостью, с делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы»⁵, воспринималась зрителями как протест против чехословацкой реакции и ее подголосков.

Стихи Маяковского, разоблачающие прощам врагов рабочего класса, активно используются чехословацкой прессой в борьбе с международной реакцией и ее агентами внутри страны. На страницах чехословацкой периодической печати стихотворения Маяковского отнюдь не выглядят

¹ «Творба», 17 апреля 1946, обложка.

² Там же, стр. 250.

³ «Творба», 12 февраля 1947, № 7, стр. 139.

⁴ «Творба», 10 марта 1948, № 10, стр. 198—199.

⁵ В. В. Маяковский. К постановке «Бани». Полное собр. соч., т. 11, стр. 434.

как юбилейный или историко-литературный материал. Они составляют единое целое с актуальной тематикой периодической прессы и органически входят в ткань злободневного, животрепещущего журнального и газетного материала. В № 6 журнала «Tvorba» за 1948 г. помещена статья о клеветнических выступлениях чешского реакционного журналиста Эдварда Валенты против некоторых прогрессивных деятелей Чехословакии. Рядом журнал публикует стихотворение Маяковского «Любители затруднений»¹, изобличающее и бичующее клеветников, сеющих в народе лживые слухи и сплетни с целью подорвать веру в победу социализма.

В журнале «Tvorba» от 27 апреля 1949 г. наряду с «Манифестом международного съезда борцов за мир» напечатано стихотворение Маяковского «Ответ империалистам»² (в оригинале «К ответу»), разоблачающее классовую сущность войны, захватнические стремления империалистов, в угоду которым приносятся в жертву миллионы человеческих жизней. Стихотворение кончается обращением к солдатам:

Когда же встанешь во весь рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
За что воюем?³

Переводчик Маяковского Иржи Тауфер в газетной статье о Маяковском подчеркивает: «Поэзия Маяковского — поэзия пролетарского интернационализма и советского патриотизма, поэзия, которая активно борется против космополитизма и с яркой убедительностью раскрывает уже в 1923—1929 годах истинное лицо американского империализма»⁴.

Разумеется, что приведенными фактами, количество которых могло бы быть намного увеличено, не исчерпывается ни конкретная связь поэзии Маяковского с борьбой за социализм в современной Чехословакии, ни актуальность для чехословацкого общества тематики его произведений, ни сила воздействия его творчества на широкого читателя. Поэзия Маяковского играет огромную роль в борьбе трудящихся Чехословакии с реакцией, в идеологическом воспитании масс.

Исключительный интерес к Маяковскому в современной Чехословакии объясняется прежде всего тем, что революционный пафос поэзии Маяковского, непримиримость к врагам социализма, глубокая партийность его творчества близки и дороги трудовому народу Чехословакии, строящему социализм.

Этот интерес к творчеству замечательного советского поэта вызвал большую работу по переводу Маяковского на чешский и словацкий языки. В настоящее время в Чехословакии переведены уже почти все основные произведения Маяковского. Большая заслуга в этом отношении принадлежит лучшему переводчику Маяковского на чешский язык Иржи Тауферу, который передает Маяковского наиболее точно, сохраняя силу и выразительность оригинала. Тауфер перевел крупнейшие произведения Маяковского: «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Война и мир», «Во весь голос» и многочисленные стихотворения.

Тауфер подготовил издание избранных произведений Маяковского на чешском языке. К 20-летию со дня смерти поэта в новых изданиях вышли

¹ «Tvorba», 11 февраля 1948, с. 6, стр. 108.

² «Tvorba», 27 апреля 1949, с. 17, стр. 388.

³ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 2, стр. 19.

⁴ Jiří Tauffer. Vladimír Majakovskij. — «Lidové noviny», 4 декабря 1949.

также поэмы «Владимир Ильич Ленин», «150 000 000». Выпускается сборник стихов и прозы: «Маяковский в США». В переводе на чешский язык издается работа Н. Маслина «В. Маяковский». Общество чехословацко-советской дружбы публикует библиографию литературы о Маяковском.

Трудно переоценить значение издания на чешском и словацком языках поэмы «Владимир Ильич Ленин», впервые появившегося после второй мировой войны.

«Вышел „Ленин“ Маяковского, — пишет Станислав Нейман. — Мы не могли представить себе, что Маяковский писал это много лет тому назад в Советском Союзе; все это было нам настолько родным и близким, что мы думали: ведь это мои мысли, ведь это я сам чувствую, переживаю, ведь так хотел бы говорить о Ленине я... Маяковский был с нами на каждом шагу. Советовал нам. Вел нас. Думал с нами, говорил нам то, что мы еще только чувствовали и далеко еще не сумели выразить. Он показывал нам красоту жизни. Открывал перед нами безграничные и далекие перспективы. И мы начинали вполне конкретно понимать: это социализм. Стихи Маяковского были для нас второй школой, школой чувств, убеждений, школой, которая нам помогла понять содержание теории, которая нам помогла глубже, более прочувствованно вжиться в основные теоретические положения. Мы находили в Маяковском самих себя, выражение своей жизни»¹.

Зато реакция видела в творчестве Маяковского отражение своей близкой гибели. Борьба реакционеров против советского поэта — еще одно наглядное доказательство силы его поэзии, «испепеляющего жжения слов» Маяковского. «Нам говорили с презрением, кривя губы, — продолжает Нейман, — какой там Маяковский! Хватит такой поэзии! Ведь это вообще не поэзия. Ведь это самые обычные агитки и рифмованные пердовицы. Настоящему поэту нет дела до политики»².

Социальный смысл таких выступлений ясен. С ними смыкаются объективно те исследования и статьи о Маяковском, в которых Маяковский рассматривается прежде всего как футурист. Формалистическим подходом к творчеству великого советского поэта смазывалась революционная сущность его поэзии.

Имели место и прямые выступления против Маяковского. В 1946 г., пытаясь исказить и оклеветать историческое решение о журналах «Звезда» и «Ленинград», уже упоминавшийся нами реакционный журналист Эдвард Валента выступил со статьей, в которой отрицал поэтическую мощь Маяковского и доказывал, ссылаясь на «эстетические каноны», что Маяковский является незначительным поэтом.

«Tvorbа» дала достойную отповедь Валенте: «Критическую совесть Валенты можно сравнить с совестью самых последних рыночных торгов», — писал в журнале Иржи Тауфер³.

Вопреки желаниям реакционеров поэзия Маяковского прочно вошла в жизнь Чехословакии, стала широко известной и горячо любимой массовым читателем. Выражая чувства и думы строителей социализма, творчество Маяковского закономерно оказывает воздействие на современную чехословацкую литературу. «Советская литература учит нас жить, — говорит чешский поэт Иван Скала. — А советские писатели учат нас еще одному: писать так, чтобы каждое произведение было, как и у них, школой жизни»⁴.

¹ Směna («Смена»), 1949, № 12, стр. 17.

² Там же.

³ см. «Новый мир», 1946, № 10—11, стр. 233—234.

⁴ «Lidové poviny», 4 ноября 1949.

Творчество Маяковского играет важную роль в формировании новой демократической литературы в Чехословакии. Борьба за социалистический реализм сопровождается борьбой против индивидуализма, эстетства, против сюрреализма и других проявлений буржуазной идеологии в литературе. Передовые журналы и газеты уделяют исключительное внимание вопросам культуры. На страницах периодической прессы печатаются многочисленные статьи, раскрывающие классовый смысл формализма, эстетства, индивидуализма. Часто публикуются выступления советских деятелей культуры. Наряду с этим очень часто печатаются стихи Маяковского, которые не только являются примером настоящей, высокохудожественной поэзии социалистического реализма, но нередко и сами посвящены вопросам культурного строительства, литературной жизни, вопросу о «месте поэта в рабочем строю».

Только за 1949 г. из стихотворений Маяковского о поэзии и поэте в чехословацкой периодической печати напечатаны: «Сергею Есенину», «Разговор с фининспектором о поэзии», «Домой», «Массам непонятно», «Марксизм — оружие, огнестрельный метод, применяй умеючи метод этот», «Лучшее стихотворение» и др. Поэма «Во весь голос» была напечатана в «Tvorbe» еще в 1946 г. Стихи Маяковского прямо и метко бьют по эстетам и индивидуалистам, пытающимся свернуть чехословацкую поэзию с правильного пути, увести ее от сближения с народом, от выражения дум и чувств трудового народа, строящего социализм.

В период ломки буржуазной культуры и рождения новой литературы — литературы социалистического реализма — активное изучение и освоение эстетических принципов Маяковского весьма показательно и плодотворно. Это подтверждается фактами воздействия поэзии Маяковского на отдельных чехословацких литераторов и деятелей культуры. Тем более примечательно, что это авторы и произведения, представлявшие будущее чехословацкой революционной поэзии. Общеизвестно внимание к Маяковскому Станислава Костки Неймана и Йозефа Горы.

Словацкий поэт Андрей Плавка, говоря о своем творческом пути, о преодолении им канонов буржуазного искусства, указывает, какую огромную роль в формировании его творчества имела русская классическая и советская литература. Он подчеркивает, что именно чтение революционных стихов Маяковского поколебало его «романтическую традицию»¹.

Участвуя в революционной ломке буржуазных эстетических норм, Маяковский как бы включается в процесс создания демократической чехословацкой литературы. Это особенно сильно проявляется в наши дни, когда чехословацкий народ строит социализм, создает культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. В создании этой поэзии чехословацкие поэты естественно используют богатейший опыт советской литературы и прежде всего опыт Маяковского — великого певца нового мира.

Журнал «Tvorba» в статье о новом сборнике стихов Ивана Скалы отмечает: «Каждое поколение борцов за социализм и коммунизм находит... в Маяковском своего поэта. И каждый поэт, который хочет говорить, обращаясь к атакующим легионам пролетариата, находит в нем своего учителя... Да, нам, как соль, нужна глубина мысли Маяковского, его огненная фантазия, его гордый и страстный патриотизм, его умение вдохнуть в людей сознание исторического долга, его юмор, его уничтожающий сарказм, бьющий врага не в бровь, а в глаз»².

¹ «Lidové noviny», 4 ноября 1949.

² «Tvorba», 8 марта 1950, № 10, стр. 239—240.

Через всю статью красной нитью проходит мысль об учебе Ивана Скалы у Маяковского: «... в огне боев Скала отбросил заржавелый, изъеденный формализмом стих Галаса и прочно взял в руки стальное поэтическое оружие, которое завещал всем поэтам-борцам Маяковский». «Лучшие стихотворения сборника Скалы отражают бурный, наступательный пафос революционной эпохи, который мы так любим у Маяковского и других советских поэтов», — пишет автор статьи. — Скала сумел, обратясь к Маяковскому, создать такую поэзию, которая «учит людей видеть повседневные дела в озарении великих перспектив строительства социализма и коммунизма»¹.

Под благотворным влиянием Маяковского начал свой творческий путь внук Ст. К. Неймана — Станислав Нейман, автор лиро-эпической поэмы «Сто десять процентов счастья». Эпиграфом к поэме, посвященной строительству социалистической Чехословакии, борьбе за выполнение двухлетки, взяты строки из «Урожайного марша»:

Добьемся урожая мы,—
втройне,
земля,
рожай!²

В цитированной нами статье о Маяковском, напечатанной в молодежном журнале «Smeňa», Станислав Нейман говорит о том, как близки чехословацкой молодежи стихи Маяковского, воспевающие пафос труда, пафос строительства социализма. С этими стихами на устах ехали в деревню на уборку урожая молодежные бригады.

Воздействие Маяковского сказалось прежде всего на идейной направленности поэмы, проникнутой энтузиазмом созидания нового мира и духом коллективизма.

Нейман творчески усвоил также и некоторые элементы поэтики Маяковского. Поэма, как и у Маяковского, — страстный монолог, призыв, обращенный к массам. Сатирический образ империалиста — стоящего чудовища с атомной бомбой в кармане — близок по выполнению блестящим карикатурам Маяковского.

У Маяковского учились и учатся и другие чехословацкие поэты. Можно назвать, в частности, Яна Поничана, переводчика на словацкий язык поэмы «Владимир Ильич Ленин», и других.

Вопрос о роли Маяковского в формировании новой чехословацкой литературы ждет еще специальных исследований. Однако несомненен факт органического освоения поэзии Маяковского рядом чехословацких поэтов, идейно близких советской литературе.

Эстетические принципы Маяковского усваиваются чехословацкой критикой. Это находит отражение не только в статьях, посвященных общим вопросам развития литературы, но и в критических рецензиях, заметках и т. п. Например, в словацком журнале «Nove slovo» в обзоре литературы о словацком антифашистском восстании 1944 года отмечено стихотворение Доминика Татарки «Революция». Рецензент пишет: «Кто лаконизмом слова, силой переживания и новаторством формы создал действительно прекрасное стихотворение о восстании, так это прозаик Татарка со своим единственным стихотворением „Революция“». — Близость лаконическому стилю Маяковского, показ суровой действительности делает

¹ «Tvorba», 8 марта 1950, № 10, стр. 240.

² В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 28.

это стихотворение из ряда вон выходящим в нашей послевоенной поэзии»¹.

Станиславу Нейману, выступившему после поэмы «Сто десять процентов счастья» с более слабыми стихами, чехословацкая критика указала на плодотворность учебы у Маяковского и на необходимость вновь и вновь обращаться к неиссякаемой сокровищнице его поэзии.

Воздействие поэзии Маяковского на чехословацкую литературу многообразно и разносторонне. Однако везде и всюду остается немеркнувшей жизненность поэзии Маяковского. «Как живой с живыми говоря», великий советский поэт непосредственно участвует в борьбе чехословацких трудящихся за построение социализма, за создание новой социалистической культуры, в борьбе за мир и демократию во всем мире.

¹ «Nove slovo», ročník II. Bratislava, 27 августа 1948, No 35, стр. 524.

Л. С. Фейгельман
МАЯКОВСКИЙ В ПОЛЬШЕ

1

Великая Октябрьская социалистическая революция, определившая коренной поворот в судьбах всего человечества, оплодотворила творчество ярчайшего поэта социалистического мира — Владимира Маяковского.

Лучший поэт родины ленинизма, он создал искусство, новаторское по своему идейно-художественному значению. В грандиозной борьбе, которая происходит между силами демократии и империалистической реакции, участвует Владимир Маяковский, продолжает звучать мужественный голос поэта — выразителя мыслей и деяний людей первой страны социализма.

Слово поэта весомо, потому что оно запечатлело реальные преобразования, которые совершались в жизни многомиллионного народа. Оно зримо, так как раскрывает образ подлинного героя современности, образ борца и создателя. Поэзия Маяковского требует активного вторжения в жизнь и сама участвует в ее преобразовании. Маяковский — поэт нового типа. Он пришел к воплощению темы народной борьбы в ее высшем проявлении — последовательно осуществленной социалистической революции.

Творчество Маяковского имеет первостепенное значение для развития всей мировой революционной поэзии, особенно поэзии стран народной демократии, в частности польской поэзии. Значение творчества Маяковского в странах народной демократии все более возрастает.

Проникновение произведений Маяковского в широкие слои трудящихся Польши и его влияние на польскую революционную поэзию началось еще в первую половину 20-х годов. Великая Октябрьская социалистическая революция, провозгласив право наций на самоопределение и самостоятельное государственное существование, сыграла решающую роль в создании самостоятельного польского государства. И хотя польские помещики и капиталисты путем насилия и обмана захватили власть в свои руки, разгромили красную гвардию Домбровы и революционные советы, возникшие в различных местах Польши, — революционное движение задуть им не удалось. В период подъема в стране революционного движения впервые приобрели широкую известность в среде польских пролетариев произведения Маяковского, в которых выражена идея мирового значения Октябрьской революции. В оригинале (в Польше многие знали русский язык) и в переводах зазвучал «Левый марш» Маяковского, получивший в это время мировую известность. Это произведение говорило об историческом творчестве советского народа, об утверждении в боях с империалистами победоносных идей коммунизма.

Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!¹

провозглашал Маяковский. Он создал новый поэтический жанр — марш, и в его чеканной форме ярко проявились качества социалистической поэзии: ее устремленность в коммунистическое будущее, ее реальное историческое содержание, вера в победу пролетариата над империализмом.

«Левый марш» зазвучал на производстве, на митингах и маевках, как призыв его проносила польская революционная молодежь на демонстрациях. В Польше получили распространение в эти годы и отрывки из пьесы о мировом значении Октября — «Мистерия-буфф».

Это первое знакомство с Маяковским рабочей аудитории было весьма знаменательным, так как большинство поэтов Польши в тот период были далеки от своего народа, от его революционных интересов, которые нашли свое яркое воплощение в песнях польского пролетариата.

2

Вопреки славным традициям польской революционной демократии, дорожившей своими идейными связями с русской революционной демократией, вопреки деятельности польских марксистов, связавших свои чаяния с чаяниями русских марксистов-ленинцев, подавляющее большинство польских поэтов было далеко от народа и подпало под влияние западного декаданса.

Буржуазный национализм и космополитические идеи были двумя флангами реакционного наступления польской буржуазии в области идеологии. Многочисленные литературные группировки, возникшие в начале 20-х годов, были весьма пестры по своему составу и ориентации. Они выступали с индивидуалистическими, эстетскими и формалистскими декларациями. После создания самостоятельного польского государства этих поэтов охватил шовинистический угар. Большинство из них не понимало историческую связь между социалистической революцией в России и созданием польского государства. Но наиболее честные и одаренные художники вскоре убедились в том, что посулы реакционных правительств Польши были лживыми. К середине 20-х годов все более явственно стали обозначаться революционные явления в польской поэзии.

В этот период имя Маяковского стало известным в литературных кругах Польши. Буржуазные поэты воспринимали его творчество с ненавистью, наиболее честные и прогрессивные испытывали на себе влияние его искусства. Плодотворным было восприятие искусства Маяковского одним из крупнейших польских поэтов — Юлианом Тувимом.

В 1923 г. в журнале «Скамандр», а затем и отдельным изданием вышла поэма Маяковского «Облако в штанах» в переводе Юлиана Тувима². Юлиан Тувим ярко выделяется в литературной группе «Скамандр» гуманистическим характером своей поэзии, он был прогрессивнее своего окружения и любил русскую классическую литературу. Правда, представление Тувима о новых путях поэзии было весьма смутным и ограниченным.

¹ В. В. Маяковский. «Левый марш». Полное собр. соч., т. 2, стр. 39—40.

² Włodzimierz Majakowski. *Obłok w spodniach*. Warszawa, 1923.

Тувим пытался опротестовать эстетику «чистого искусства», и в этом смысле его интерес к творчеству Маяковского не был случайным. Тувима привлек бунт Маяковского против буржуазной эстетики, но, можно предположить, основные идеи революционной поэмы были восприняты им менее активно.

К тому периоду, когда в Польше был осуществлен перевод «Облака в штанах», Маяковский прошел большой путь. В Октябрьской социалистической революции его искусство обрело новые качества. Он стал выразителем самых передовых идей своего времени. Но и дореволюционная поэма Маяковского «Облако в штанах» могла быть осмыслена в Польше, как произведение, предвещавшее приход революции, а не только как поэма, совершающая переворот в поэзии. В 1949 г. на страницах журнала «Odrodzenie» (Возрождение) Тувим рассказал и о своем восприятии поэзии Маяковского:

«Трудно мне осознать, проанализировать и описать потрясающее впечатление, какое на меня произвело первое знакомство со стихами Маяковского . . . Вихрь, переворот, гром, пламя — все новое, беспрецедентное, чудесное, тревожное, революционное. Строфа — революция, рифма — революция, образы — революция. Меня заполнило чувство, что в поэзии случилось что-то огромное по своему значению, художественный перелом . . .»¹

Вчитываясь в поэму, Тувим понял, что для ее воспроизведения на польском языке нужны новые изобразительные средства, что поэтика Маяковского прямо противоположна поэтике символистов, которую польские буржуазные поэты осознавали как нечто привычное. Об этом так говорит Тувим: «Каждая строфа давалась с тяжелым боем. Ничего удивительного. Я имел уже семилетнюю практику в переводах русских поэтов, но Бальмонт, Блок, Брюсов, Вячеслав Иванов и другие русские символисты, которых я до того времени переводил, употребляли традиционную строфу и в целом были как бы „здешние“, а тут вдруг я очутился на новой поэтической планете, каждое мгновение оглушаемый взрывами неведомых до сей поры восторгов и удивлений»².

Переводя «Облако в штанах», Тувим демократизирует поэтический словарь, в основном он верно передает лексические контрасты поэмы: грубость просторечия; вульгаризмы в их удивительно органичном сочетании со словами патетическими и торжественными в своей эмоциональной напряженности.

Тувим с большим искусством сохранил интонационные особенности поэмы; неслыханную доселе по смелости метафору, яркую характеристику качественной сущности явлений и вещей. «Я долго мучился „Облаком“, — пишет Тувим, — а когда перевод был готов, я тут же начал его популяризировать на моих авторских вечерах».

Но не всегда Тувиму удается сохранить силу слова Маяковского, активную силу его поэтической мысли. Так, неологизмы Маяковского часто заменены описательными, более нейтральными словами.

Несмотря на огромное впечатление, которое произвела поэма Маяковского на Юлиана Тувима, знакомство с произведением Маяковского все же не явилось решающим рубежом на его творческом пути, он не смог вырваться из узких рамок эстетического бунтарства.

Перевод поэмы, осуществленный Тувимом, был фактом большого прогрессивного значения для польской литературы; он свидетельствовал

¹ Julian Tuwim. Majakowski po raz pierwszy. — «Odrodzenie», W., 1949, No 45, str. 2.

² Там же.

и о том, что восприятие творчества Маяковского не прошло для Тувима бесследно, это подтверждают и обличительные, сатирические произведения Тувима. Но в отличие от Маяковского в произведениях Тувима обычно нет адресата, они не имеют резкой классовой направленности. Его протест против пошлости, филистерства, меншанства носил ограниченный характер.

В 1927 г. Маяковский писал о Тувиме в очерке «Ездил я так»: «Тувим, очевидно, очень способный, беспокоящийся, волнующийся, что его не так поймут, писавший, может быть и сейчас желающий писать, настоящие вещи борьбы, но, очевидно, здорово прибранный к рукам польским официальным вкусом... Тувиму надо и некоторой бури, и некоторого оживления...»¹

То, что еще в середине 20-х годов разглядел Маяковский в талантливом поэте, было справедливо. Позднее подтвердились слова Маяковского о необходимости для Тувима активного, смелого выхода из эстетического бунтарства. Маяковский тем более вправе был это утверждать, что сам шел путем, замечательным в своей целеустремленности.

Характеризуя общественный резонанс поэмы Маяковского в Польше, важно отметить, что поэма в очень хорошем переводе Тувима вызвала в среде передовой молодежи горячий отклик, оказала влияние на общественное сознание как глубоко революционное, материалистическое произведение. Поэт-переводчик Северин Полляк вспоминает, как в юности он и другие его сверстники часто декламировали фрагменты из «Облака в штанах» и «Левый марш» Маяковского — «не раз, и не два, и не десять раз», — пишет он².

Польскому читателю поэма говорила о неизбежности революционного переворота, о тлетворности декадентского искусства, о том, что искусство должно служить интересам народа.

3

В своих очерках о поездке в Польшу в 1927 г. Маяковский писал об искусстве наиболее революционного польского поэта Владислава Броневского:

«Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов „Над городом“. Названия его стихов говорят за себя: „На смерть революционера“, „Пионерам“, „Кабала“ и т. д.

У него есть стихи „Провокатор“ — это о жизни сегодняшней Польши. Он читал эти стихи в рабочем собрании. Когда он произнес строку: „Провокаторы ходят меж нами“, какие-то субъекты испуганно поднялись и начали улепетывать из зала, на ходу разъясняя, что они-де не по своей воле. Это стихотворение хорошо рисует и Польшу, и Броневского, и рабочий быт»³.

Так определял Маяковский действенность поэзии Броневского. Броневский связал свое творчество с революционной борьбой польского пролетариата. В его лучших произведениях проявляется активная сила революционного искусства. Эпизод, рассказанный Маяковским, показывает, как входила поэзия в жизнь польского народа, как участвовал польский поэт в политической борьбе рабочего класса. Есть основания предполагать, что именно пример Маяковского, его творчество помогли Броневскому утвердиться на позициях боевого революционного искусства. Броневский разделял эстетические принципы Маяковского именно тогда, когда создавал свои боевые произведения.

¹ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 7, стр. 432.

² Seweryn Pollak. Majakowski w Polsce. «Nowa Kultura», W., 1950, N 3, стр. 3.

³ В. В. Маяковский. Поверх Варшавы. Полное собр. соч., т. 7 стр. 445.

Броневский переводил произведения Маяковского, в которых советский поэт высказал свое понимание задач поэзии и раскрыл образ поэта нового типа. Броневский в 20-е годы перевел стихотворение Маяковского «Поэт-рабочий»¹, позднее 7-ю главу из поэмы «Хорошо!»², в которой описывается встреча двух поэтов — Блока и Маяковского, стихотворение «Домой»³, и, наконец, ему принадлежит перевод «Во весь голос»⁴ Маяковского — поэтического кредо советского поэта. Броневский — один из лучших переводчиков Маяковского в Польше.

Свое отношение к Маяковскому Броневский красноречиво высказал. Встретясь с ним в Варшаве, Броневский подарил ему свою книгу «Дымы над городом» с надписью: «Владимиру Маяковскому, поэту революции — Владислав Броневский. 17/X 1927 г.».

Польский поэт шел путем сложным и противоречивым, но он неизменно обращался к Маяковскому тогда, когда стремился наиболее полно отразить в поэзии жизнь своего народа.

Во время первой мировой войны Броневский разочаровался в лживых буржуазных идеалах. Семнадцатилетним юношей он вступил в легионы Пилсудского. Вернулся с фронта Броневский с опустошенным сердцем. В первых его стихах звучала скорбь человека, утратившего веру в жизнь. Но Броневский не превратился в одного из тех писателей, которые на Западе создали литературу «потерянного поколения». Постепенно он обрел новое понимание жизни и раскрыл ее содержание в поэзии, связав свои помыслы с революционными чаяниями польского пролетариата. Об этом свидетельствовала вторая книга его стихов «Дымы над городом», которую упоминал Маяковский.

Уже в первую книгу Броневского «Ветряные мельницы»⁵ вошли стихи, в которых отразились важнейшие конфликты реальной действительности, и именно в них ощущается переключка с мотивами раннего творчества Маяковского. В стихотворении «Рабочие» Броневский говорит о том, что локомотивом истории управляют рабочие. Это — первое произведение поэта, в котором выражена вера в могучую силу пролетариата, но в нем Броневский еще далек от реалистического решения темы, которая впоследствии станет основной в его творчестве. В обобщенных метафорических образах уже обозначается, но еще не конкретизируется тема революционной борьбы.

Наиболее значительное произведение Броневского, вошедшее в первую книгу его стихов, поэма «Последняя война» — ярко выраженный протест против империалистической войны. В Польше, где правящая клика упорно насаждала реваншистские идеи, разжигала военный психоз, поэма Броневского «Последняя война» прозвучала как предостережение. Этот протест был тем более убедительным, что исходил он от участника первой мировой войны, который отлично понимал всю авантюристичность политики военной клики.

Идея произведения, видимо, обусловила образную переключку, сходство его с поэмой Маяковского «Война и мир». В поэме Броневского сказалось и непосредственное воздействие дооктябрьских поэм Маяковского. Оно обнаруживается и в антиимпериалистической направленности поэмы, в композиции произведения, в ораторской установке, в разрушении

¹ W. Ma j a k o w s k i. Poeta-robotnik. Wybór poezji. W., 1927.

² W. Ma j a k o w s k i. 7 listopada 1917. — «Robotnik», 1948.

³ W. Ma j a k o w s k i. «„Dobrze“ (Fragment) — Miesięcznik literacki», 1930, hr. 6., s. 291—295. Do domu. — «Miesięcznik literacki», W., 1930, N 6.

⁴ W. Ma j a k o w s k i. Na cały głos. — «Kuźnica», 1946, N 23.

⁵ Władysław Broniewski. Wiatraki. W., 1925.

канонов, созданных в поэзии о войне буржуазными поэтами. Центральный образ произведения — солдатская лава — олицетворение протеста и гнева народов мира против империалистической войны. Идея произведения требовала для своего воплощения новых выразительных средств. Польский поэт не мог «взирать» со стороны на трагедию миллионов. Он стремился словом ворваться в гущу событий. Это сблизило его с Маяковским.

Выражая свою ненависть к империалистической войне, говоря об ответственности, которая ложится на поэта, поднимающего свой голос против империалистической авантюры, Маяковский писал в поэме «Война и мир»:

Нет!
Не стихами!
Лучше
язык узлом завяжу,
чем разговаривать.
Этого
стихами сказать нельзя.
Выхоленным ли языком поэта
горящие жаровни лизать!¹

Плодотворность восприятия творческого опыта Маяковского обнаруживается с первых же строф поэмы Броневского «Последняя война»:

Хватит!
Время заткнуться вам!
Вить перестаньте: «слава»!
Глядите:
по улицам и площадям
ползет солдатская лава².

Так пишет Броневский, высмеивая речи польских буржуа «о братьях в серых шинелях». Слово берет сам поэт — оратор, обличитель.

Грозным маршем движутся убитые солдаты, воевавшие за чуждые им интересы стяжателей всего мира, и страх косматой лапой сжимает сердца обывателей.

... По вашему:
— Мертвый не может встать.
А это —
кошмар неуместный —
Нет!
Это митинг
И слово дать
Просит
Солдат неизвестный ...³

Но антиимпериалистический протест в поэме Броневского «Последняя война» носит еще более абстрактно-гуманистический характер, чем в поэме Маяковского «Война и мир». Следует заметить, что «Война и мир» была написана Маяковским в 1916 г., а «Последняя война» вошла в сборник стихов Броневского 1925 г. Броневский не указывает конкретных

¹ В. В. Маяковский, Война и мир. Полное собр. соч., т. 1, стр. 250—251.

² Перевод Валериана Арцимовича.

³ То же.

путей борьбы против зачинщиков новой войны, в отличие от Маяковского он недостаточно определенно обозначает их социальную природу, и завершающая часть поэмы — о покое, который должен воцариться на земле, — звучит поэтому утопически.

Дальнейшее формирование мировоззрения Броневского, обращение к жизни рабочей Польши, помогло поэту более глубоко выявить свою индивидуальность и осознать поэтические принципы Маяковского, что и нашло свое выражение в книге «Дымы над городом»¹. Броневский в тот период вступил на путь нового поэтического искусства, освещенного идеей революционного переустройства жизни. Первый среди поэтов Польши он смело выразил эту идею в искусстве. И именно поэтому о второй книге стихов Броневского «Дымы над городом» и заговорил Маяковский. Свое понимание роли поэта в народной борьбе Броневский выразил в поэтических формулировках, близких Маяковскому.

Сходство рождалось из нового понимания роли поэта-революционера, которое сложилось к этому времени у Броневского. Большинство стихов Броневского, вошедших в сборник «Дымы над городом», было оптимистично, полно веры в победу.

Броневский понимал неизбежность больших социальных потрясений и решительно определил свое место в классовых боях по левую сторону баррикады. Наивысшим содержанием творчества он провозглашал борьбу за новый строй. Броневский сумел выразить в искусстве мысли и чувства революционного коллектива, пафос борьбы с капитализмом. Он прославлял борющийся пролетариат («Песня о гражданской войне», «Домбровский бассейн», «Лодзь» и др.). Создавая политическую лирику, в которой личное и общественное слито воедино, он глубоко осознал пример Маяковского. У Броневского, как и у Маяковского, тема поэзии неразрывно связана с темой революционного переустройства мира.

Эти качества социалистической эстетики впервые были широко и полно обоснованы и выражены в советской поэзии Маяковским, и вследствие этого его творчество оказало воздействие на формирование крупнейших революционных поэтов мира и, в частности, на поэзию Владислава Броневского.

Броневский в «Песне о гражданской войне» показывает, как рождается песня коллектива, песня революционной победы на производстве, как она объединяет миллионы сердец.

Но нынче голос мой разгневан
И если песню запеваю,
Я гневом тем в одно скрепляю
Сердец рабочих миллионы,
Чтоб молотом дробить — законы².

Лучшие произведения Броневского были рождены революционными выступлениями польского рабочего класса, в них Броневский черпал свое вдохновение и поэтому стал выразителем устремлений авангарда польского пролетариата. Именно эта идейная сила, политическая направленность лучших произведений Броневского, таких, как «Песня о гражданской войне», «Законодателям», «Домбровский бассейн», и вошедшие в третью книгу его стихов «Печаль и песня» и написанное в 1933 г. произведение «Магнитогорск, или разговор с Яном» —

¹ Władysław Broniewski. Dymy nad miastem, W., 1927.

² Перевод Валериана Арцимовича.

сближала Броневского с Маяковским при всем отличии поэтов друг от друга. Отличие определяется своеобразием общественно-исторических условий Польши, традициями польской революционно-демократической литературы и оригинальным характером дарования Броневского.

Образ рабочей Лодзи, горняцкой Домбровы, революционные традиции Польши Ярослава Домбровского, Людвига Варынского нашли свое отражение в искусстве Броневского. В его поэзии в новом качестве нашли свое выражение демократические традиции польской поэзии. Она вобрала в себя образы и ритмы революционных песен польского пролетариата (напр., в «Песне о гражданской войне»).

То, что так решительно провозгласил и осуществил в своей поэтике Маяковский, введя в поэзию живой говор масс, стало требованием больших поэтов-новаторов в революционной литературе каждого народа.

Своеобразны формы проявления качеств новой, социалистической поэзии, но обращение к революционным массам обусловило освоение опыта и в той или иной мере использование изобразительных принципов Маяковского.

Основа стихов Броневского песенная. Но разговорная интонация в политической лирике Броневского преодолевает мелодическую канву стиха, возникает динамичный и многообразный ритм. Когда Броневский обращается к значительным событиям современности, его стих приобретает большую конкретность, реалистичность, все более нарастает экспрессивная сила в интонации, в эмоциональности образа. Его поэзия резко контрастирует с поэзией польских декадентов и враждебна их эстетике, мистицизму. Протестуя против буржуазной культуры, Броневский писал в стихотворении «Законодателям»:

Тебе мой гнев и презрение,
Культура тлена и плесени,
Религия крови и преступлений,
Тебе ль зародить во мне песни? ¹.

Не только в лучших своих стихах, но и в полемике с буржуазными, католическими писателями Броневский отстаивал позиции революционного художника, сближавшие его с советским поэтом. В 1928 г. на страницах «Wiadomości literackie» происходила полемика о пролетарской поэзии. Броневский подверг резкой критике католическую литературу, буржуазных писателей и критиков, противопоставивших лирическую сущность поэзии — агитационной. Броневский — революционный художник, поэт-лирик, считал искусственным противопоставление этих двух начал. И этим он сближался с Маяковским. В своем ответе критикам он высмеял анархистскую позицию буржуазного индивидуализма. «... В борьбе двух миров — царствующего капитала и освобождающегося труда, — нет реальной почвы под идеологическим паразитизмом, нет третьей стороны баррикады», — писал поэт². Трудно найти в польской литературе того времени более точную формулировку, чем дал Броневский, характеризуя классовую природу искусства.

Но не всегда Броневский был последователен. В его поэзии подчас звучали пессимистические мотивы. В некоторых произведениях чувствовалась растерянность и тоска, и они лишали его стих мужественности и силы. В этом сказывалась противоречивость его творчества. Поэт порою

¹ Перевод Марка Живова.

² «Wzoraj, dziś i jutro poezji w Polsce». «Wiadomości literackie», 1928, N 209.

уходил от больших тем общественной борьбы. Но трудящимся Польши он стал известен своими сильными и смелыми произведениями. Именно в таких стихах, как «Законодателям», «Лодзь», «Парижская Коммуна» и многие другие, он следовал по пути, проложенному в мировой революционной поэзии Маяковским, который каждым своим стихом говорил: «Товарищи писатели, на революцию ориентируйтесь».

В этих произведениях Броневского сильнее всего сказалась сила его большого дарования, его глубокая связь с жизнью трудящихся масс Польши, его богатое и острое чувство языка и песни народа. В поэтических произведениях Броневского бурлил гнев народа, жил пафос борьбы польского пролетариата, все чаще вступавшего под руководством коммунистической партии в открытые схватки с эксплуататорами Польши. «Войну пером, и не только пером, нужно было продолжать дальше», — пишет Броневский в книге «Окопы и баррикады», — «мои стихи, как солдаты на фронте, гибли под ножницами цензуры». В 1929 г. «санационная» цензура конфисковала поэму Броневского «Парижская Коммуна», а позднее стихотворение «Магнитогорск, или разговор с Яном». Вспоминая этот период, Броневский пишет: «Было тяжело»...

В год смерти Маяковского Броневский в стихах, посвященных его памяти, провозгласил вечную молодость стиха Маяковского и призывал идти далее по пути, проложенному советским поэтом. «Итти далее» означало идти путем борьбы вместе с рабочим классом своей страны, в котором все более крепла революционная сознательность. «Итти далее» означало совершенствовать искусство, поставленное на служение народу. Это и нашло свое выражение в одном из ярчайших произведений Владислава Броневского — «Домбровский бассейн», написанном в 1930 г. Образная сила этого произведения заключается в том, что в нем воссоздана картина непосильного труда шахтеров и ощущается кипение народного гнева. Образ Домбровы, грозно смотрящей на кризис и фашизм, вырастает, предрекая гибель буржуазии и призывая трудящуюся Польшу к ниспровержению буржуазного строя. Слово Броневского звучало как сигнал к восстанию. Стихи, подобные «Домбровскому бассейну», тесно сближали Броневского с традицией Маяковского, и это ярко обозначилось в осознании поэтического слова, как оружия, в ощущении своей причастности к революционным выступлениям народа. Польский поэт писал:

Бассейн добывает уголь,
Бассейн добывает смерть...
Песня, сверлом упругим
Вгрызайся в земную твердь,
Чтобы наше гневное слово
Могли, как взрывчатку, брать
На Реден, на Гуту Банкову.
— Готово! Взрывать? Взрывать!¹

Большой интерес представляет стихотворение Броневского «Магнитогорск, или разговор с Яном», написанное в 1933 г. Оно помогает нам понять, как под влиянием советской действительности и советской литературы в польской революционной поэзии рождалось новое представление о прекрасном, как складывались черты эстетики социалистического реализма в польском искусстве, неразрывно связанном с борьбой рабочего класса Польши.

¹ Перевод Валеряна Арцимовича.

В стихотворении рассказывается о том, что поэт и его друг Ян находятся в мучительном тюремном заключении. Они его стойко переносят. Поэт предаётся тяжёлым размышлениям. В это время Ян произносит слова, преображающие обоих узников. Ян говорит о новой трудовой победе в Советской стране:

Застонал, проснулся — спать жестко,
• расправил сутуловатые плечи.
«Знаешь, — говорит, — в Магнитогорске
сегодня задувают две первые печи!»...
Рассвет был серый, и полз он лениво,
в смертном испуге над городом замер он;
и я подумал: «Как жизнь красива
даже в этой паршивой тринадцатой камере...»

За четыре года до того как Броневский написал стихотворение «Магнитогорск, или разговор с Яном», Маяковский опубликовал стихотворение «Рассказ о Кузнецке и людях Кузнецка». Это был рассказ о стойкости и мужестве советских рабочих, претворявших мечту в реальность. В этом стихотворении утверждалось, что деятельность советских патриотов имеет всемирно-историческое значение. В стихах Маяковского этим людям создан памятник. Польский поэт рассказал об огне, загоравшемся в его сердце, когда до него доходили вести о трудовых победах советских людей:

И пылали над нами в этом застенке грязном
Огромные магнитогорские домны, — ¹

писал в заключении стихотворения «Магнитогорск, или разговор с Яном» Владислав Броневский.

Новое представление о прекрасном родилось и утвердилось в искусстве польского поэта, связавшего свою судьбу с борьбой польского народа. Это нашло свое воплощение в ряде его произведений. Мысль о победе людей на социалистической стройке дала возможность героям стихотворения «Магнитогорск» почувствовать, как прекрасна жизнь. Между Маяковским и передовым польским поэтом, связавшим свою судьбу с судьбой борющегося народа, как бы произошел диалог и оказалось, что понимание прекрасного у них одинаково. Оно измеряется героическим содержанием жизни советского народа, которое в свою очередь и определяет создание эстетики социалистического реализма. В поэзии впервые так полно и глубоко она нашла свое воплощение в творчестве Маяковского.

В польской поэзии ее качества складывались в искусстве Броневского потому, что лучшие его произведения были вдохновлены революционными выступлениями передовых людей рабочего класса Польши, которые видели в советском народе пример для себя. Магнитогорские домны казались узникам прекрасными не потому, что эти два человека любили индустриальный пейзаж, как любили, фетишизируя технику, конструктивисты, эстеты, а потому, что в зареве домен отражено было творческое горение людей, ставших хозяевами своей судьбы. Это было ощущение дыхания большой, радостной жизни.

Маяковский говорил, что если в Польше литератор осмелится писать правду, т. е. выступить против правительства, «против того, что видел»,

¹ Перевод Марка Живова.

он рискует попасть в цитадель, может быть на долгие годы. Маяковский резюмировал свою мысль: «... кто сейчас в силах идти на этот героизм, кроме человека, принадлежащего к классу, верящему в победу коммунизма?»¹ Броневский верил в победу пролетариата и поэтому решительно поднимал свой голос против фашистской клики Пилсудского. Гневно прозвучало его выступление в 1936 г. на Конгрессе польских писателей в защиту культуры. «Рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция не хотят молчать дальше и подвергаться насилию, они смело вступают на общественную арену и берут слово...»² — писал он, обращаясь к деятелям культуры Польши, призывая их к активной борьбе с фашизмом. В своем творчестве, в своей общественной деятельности Броневский обращался в первую очередь к польскому пролетариату. Его искусство, отражая народный героизм, было близко широкому читателю своим содержанием и своей лиричностью.

4

Значительным событием в идейной жизни передовых польских писателей была встреча с Маяковским, который в 1927 г. посетил Варшаву. Маяковский с присущей ему принципиальностью и глубиной дал оценку ряда явлений политической и литературной жизни Польши этого периода. Несмотря на краткий срок пребывания в Варшаве, Маяковский сумел увидеть главное: борьбу польского народа, изнемогавшего под гнетом белопапанской военщины. Именно об этом писал он и в своих стихах о Польше и в очерках «Наружность Варшавы» и «Поверх Варшавы». В предвидении событий будущих лет, Маяковский писал:

Но в Польше
 маршалов
 мало теперь.
Трудящихся —
 много больше,
и если
 ты
 за Польшу,
 тебе
придется
 с нами стоять теперь
вдвоем
 против панской Польши³.

Эти строки были продиктованы ненавистью к правящей клике и сочувствием к польским трудящимся. Маяковский видел различное отношение к советским людям в буржуазных районах Варшавы и на рабочих окраинах. Ясно понимая политическое и экономическое положение Польши, свой очерк «Поверх Варшавы» Маяковский заключал следующей мыслью: «Западу нужна Польша, как корова дойная, Польша земельческая»⁴. Этот диагноз Маяковского подтвердила не только политика французского капитала в 20-е годы, но и оккупация Польши

¹ В. В. Маяковский. Поверх Варшавы. Полное собр. соч., т. 7, стр. 449.

² Wiadomości literackie, 1936, N 24.

³ В. В. Маяковский. Чугунные штаны. Полное собр. соч., т. 7, стр. 208.

⁴ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 7, стр. 455.

фашистской Германией, стремившейся уничтожить народ Польши, а страну сделать аграрным придатком Германии. По поводу «независимости» так называемой «самостоятельной» Польши от французского капитала, от олигархической верхушки Франции Маяковский саркастически замечал: «Хвалить Париж — правительство дело. Он им займы дает»¹.

Маяковский видел зависимость польских реакционеров, продававших интересы народа, от своих западных империалистических хозяев. Тем более жалкой и отвратительной представлялась ему хвастливая манера польской буржуазной интеллигенции, писателей, находить во всем сходство с французскими образцами и модами... В своем очерке «Поверх Варшавы» Маяковский писал: что в Польше есть люди, которые «...радуются, когда Варшаву называют маленьким Парижем, они заводят у себя «неизвестного солдата», они говорят по-французски и читают французские романчики, — это позиция польских литературных государственныхников. Но ведь им за это Франция взаимы дает!»²

Маяковский увидел соотношение политических сил в стране и агрессивное поведение польской военщины, которая кричала на всех углах о большевистской опасности, распространяла небывлицы о коммунистах и в угоду своим западным хозяевам затягивала границу с СССР колючей проволокой.

Маяковский охарактеризовал предательское поведение пилсудчиковской Польской социалистической партии по отношению к народу, ее национализм и антисоветскую политику. Советский поэт явственно сказал то, чего не понимали или что нарочито игнорировали многие польские писатели, пытавшиеся в своем творчестве уйти, отгородиться от действительности или открыто служившие интересам военной клики и католицизму. В своих очерках о поездке он прощески писал, что польский «Пен-клуб» (Клуб пера), вместе с левой писательской организацией «Блок», пригласивший его, перепугался своего собственного приглашения: «Вызвали духа да еще какого революционного»³. Так как Маяковский приехал в Варшаву в разгар политической предвыборной борьбы, публичные выступления его оказались невозможными: «...чтение стихов, — писал Маяковский, — могло сопровождаться столкновением комсомольцев с фашистами. Пока это не к чему...»⁴

Писатель Анатолий Стерн рассказывает о чрезвычайно сильном впечатлении, которое произвела встреча с Маяковским на передовых поэтов Польши. Маяковский, отмечает Стерн, «горячо интересовался положением рабочих... молодой поэзией и условиями, в которых она развивалась...»⁵ Во время бесед с польскими поэтами Маяковский рассказал о своей поездке в Америку, с ненавистью он говорил о врагах советской отчизны, с любовью о ее друзьях — тружениках всего мира.

Находясь за пределами своей родины, Маяковский особенно остро ощущал высокое звание советского поэта. В очерке «Поверх Варшавы» он писал: «Литература СССР — только участок на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова закатываются за кордоны — и там это не шаблонные агитки, а чудо свободного слова, организующего или еще более сплачивающего левые отряды для грядущей борьбы»⁶.

¹ В. В. Маяковский. Ездил я так. Полное собр. соч., т. 7, стр. 431.

² В. В. Маяковский. Поверх Варшавы. Полное собр. соч., т. 7, стр. 445—446.

³ Там же, стр. 444.

⁴ Там же, стр. 431.

⁵ Anatol Stern. Spotkanie z Majakowskim. «Kuznica», 1948, N 46.

⁶ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 7, стр. 444.

Так и воспринималось слово самого Маяковского революционными писателями всех стран.

Характеризуя дифференциацию в среде польских писателей, Маяковский писал: «В первый вечер я, конечно, встретился с самыми близкими нам и мне писателями...»¹ Среди них он назвал имя Броневского.

Во время пребывания Маяковского в Варшаве был издан сборник переводов его произведений. В книгу вошли: «Облако в штанах» в переводе Тувима, в переводах В. Броневского: автобиография «Я сам», «Немецкая песня», «Поэт-рабочий». Выбор произведений характерен для Тувима и для Броневского. Броневский проявил интерес к тем произведениям Маяковского, в которых тот говорил о новом типе поэта.

Редактор антологии Анатолий Стерн рассказывает: «Маяковский слушал внимательно переводы, вошедшие в антологию, которые я ему читал. Мало зная язык, он делал удивительно верные замечания. Дав мне свое вступление к антологии, он сказал с улыбкой — „это в залог дружбы польско-советской поэзии...“»²

В предисловии к сборнику польских переводов Маяковский писал: «Переводить стихи — вещь трудная, мой — особенно трудная... Это тем более грустно, что литература революции началась со стихов... Переводить мои стихи особенно трудно еще и потому, что я ввожу в стих обычный разговорный язык... Эта книжка, где собраны мои стихи разных периодов и отрывки из наиболее принципиально важных поэм, дает читателю вполне точное представление о характере моей работы»³.

Лишенный возможности выступать в Польше публично, Маяковский понимал значение своей книги для польского читателя.

В 30-е годы, в период подъема польского революционного движения, интерес к творчеству Маяковского и его популярность в Польше возросли. Рост симпатии к советской стране в среде трудящихся усиливал интерес передовых людей Польши и к советской культуре. Писательница Ванда Василевская рассказывает, что на всех рабочих празднествах и на демонстрациях как призыв к революционному действию звучали стихи Маяковского. Имя Маяковского в рабочей, революционной среде накрепко связалось с представлением о социалистической стране.

5

В 1939 г., когда реакционное польское правительство отказалось от помощи Советского Союза и облегчило германскому фашизму захват Польши, группа польских писателей нашла в Советском Союзе, во Львове, убежище от фашистского террора и условия для дальнейшего развития польской литературы. Когда Польша стала ареной новых преступлений фашизма, многие писатели нашли опору в советской литературе, в произведениях Горького, в поэзии Маяковского. Передовые польские поэты, с волнением читая стихи Маяковского, испытывали потребность дать их польскому солдату — антифашисту и демократу.

Для поэтов работа над переводами Маяковского становилась школой политической поэзии, помогла переосмыслить и расширить представление об искусстве социалистического реализма, пронизанном большевистской партийностью.

¹ В. В. Маяковский. Поверх Варшавы. Полное собр. соч., т. 7, стр. 445.

² Anatol Stern. Spotkanie z Majakowskim. — «Kuźnica», 1948, N 46.

³ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. X, изд. 1941 г., стр. 274.

Сборник переводов, изданный во Львове в 1940 г.¹, впервые на польском языке многогранно представлял поэзию Маяковского.

В предисловии к сборнику было подчеркнуто, что «Сборником переводов гениального поэта нашей эпохи поэты Польши на советской земле кладут краеугольный камень под здание новой польской поэзии...» «На языке Мицкевича и Словацкого полновесно должна быть передана его мысль, его ритм». В сборник вошли переводы Адама Важика, Люциана Шенвальда, Ежи Путрамента, Леона Пастернака, Мечислава Яструна и других поэтов. В предисловии говорилось о том, что искусство советского поэта воспринимается польскими поэтами как искусство социалистического реализма. Надо заметить, что в польской буржуазной критике творчество Маяковского характеризовалось как футуристическое. Поэтому понимание большевистской идейности искусства Маяковского, его художественного новаторства, выраженное в этом сборнике, имеет принципиальное значение. «Сегодня металлический колокол голоса трибуна народа — Маяковского — будет призывать польских поэтов к борьбе. Сегодня его лирика укажет не одному художнику новый путь творчества». Эти слова были предпосланы переводам произведений Маяковского.

Книга переводов Маяковского была актом благодарности польских поэтов Стране Советов и ценнейшим вкладом в польскую литературу. Почти треть переводов сборника была осуществлена Адамом Важиком. И впоследствии, в своей разносторонней общественной, публицистической и поэтической деятельности Важик продолжает пропагандировать творчество Маяковского. Для него обращение к переводам Маяковского было, как и для большинства участников сборника, задачей большого творческого значения.

Адам Важик пришел к боевой революционной поэзии, порвав с сюрреализмом. Ныне, в освобожденной Польше, он является одним из передовых польских поэтов и общественных деятелей. В его статьях о Маяковском сказывается обширное знание советской литературы, творческого пути Маяковского. Важик пишет о формировании Маяковского как поэта революции, и именно эта проблема приобретает особенно большое значение для становления новой польской поэзии.

Сборник стихов Маяковского на польском языке включал и переводы Люциана Шенвальда. Шенвальд перевел «Левый марш» (вместе с Важиком), «Необычайное приключение», «Комсомольское» и другие произведения Маяковского, в которых с такой конденсированной силой выразилась молодость нового мира. Показательно, что эти переводы были созданы Люцианом Шенвальдом в тот период, когда он вступал в новый, наиболее плодотворный этап своего творчества. Обращение к Маяковскому было продиктовано любовью к его творчеству, пониманием его новаторской сущности. Воспроизводя марши Маяковского на польском языке, Шенвальд сохранил силу его мужественных ритмов, смело и удачно воссоздал его образную систему — переведя «Необычайное приключение».

Путь молодого поэта к боевому революционному искусству был не легким и не прямолинейным. Но уже в стихах раннего периода его творчества, часто еще очень эстетских, прорывались бунтарские мотивы. Постепенно поэт, принимая непосредственное участие в борьбе народа, переосмыслил и свой творческий путь. Блестящий знаток польской поэзии, классиков мировой литературы, он стал активным пропагандистом русской

¹ W. M a j a k o w s k i. Wiersze. Kijów — Lwów, 1940.

классической и советской литературы. Поэзия Маяковского стала для него примером поэтического партийного подвига. Люциан Шенвальд писал: «Требуя от писателя, чтобы он был человеком партийным, сражающимся на определенном участке баррикады»¹. Это понимание роли поэта помогло Шенвальду создать свои лучшие произведения в годы вооруженной борьбы с немецким фашизмом. Обращение Шенвальда к творчеству Маяковского в 1939 г. явилось рубежом в идейно-художественном формировании поэта. В творчестве Шенвальда, сочетавшего в своем искусстве традиции великих поэтов-романтиков и передовой поэзии современной Польши, сказалось и благотворное воздействие поэзии Маяковского. Оно проявилось в обновлении стиха классиков польской литературы. Позднее, став бойцом, политработником и поэтом в дивизии имени Тадеуша Костюшко, в Польском войске, Шенвальд неоднократно высказывал свое горячее желание перевести поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин». «Чтобы сделать перевод этой поэмы, надо перерастить себя», — говорил Шенвальд. В этих словах выражена высокая требовательность к себе и глубокая любовь к Маяковскому.

Поэзия Маяковского была для Люциана Шенвальда примером партийной страстности. Шенвальд глубоко проник в духовную жизнь советского народа, породнился с ней и сумел выполнить свой долг поэта-воина. Это нашло свое выражение и в лучших поэтических циклах Шенвальда «Через линию фронта» и «Плечом к плечу». Когда Люциан Шенвальд просил разрешения участвовать в бою, он сказал: «Я думаю, что место поэта — в строю, впереди всех или рядом с первыми»².

В дивизии им. Тадеуша Костюшко и позднее среди бойцов Польского войска стихи Маяковского пользовались большой популярностью.

В оккупированной немецкими фашистами Польше с огромным интересом читали произведения русских классиков, советских писателей, произведения Горького, Маяковского. Потребность в литературе социалистического реализма, в литературе высокоидейной, проблемной, патристической была продиктована жизненными интересами трудящихся Польши. В этом отношении характерна история перевода поэмы «Хорошо!», осуществленная Артуром Сандауером.

Сандауер не принадлежал к революционному крылу польских поэтов. К работе над переводом поэмы Маяковского он обратился, чтобы преодолеть ужас немецко-фашистского нашествия на Польшу, которое со всей тяжестью обрушилось на весь народ. Скрываясь в лесу, в полном одиночестве, Сандауер по памяти, без оригинала, без бумаги и карандаша, переводил поэму советского поэта, «ища спасения от тьмы, голода и мороза...»³. Перевод поэмы «Хорошо!» был издан в Польше в 1945 г. уже после ее освобождения. Поэма Маяковского помогла писателю жить; она была светом во тьме оккупационной ночи, и ее всепобеждающий оптимизм говорил о могучей и несокрушимой силе советского народа. К сожалению, издавая свой перевод, Сандауер не исправил и не дополнил его в соответствии с оригиналом, и поэтому в нем отсутствуют главы о борьбе с интервентами, о сущности советского патриотизма и др.

Писатели, находившиеся в подполье, и писатели в эмиграции, не утратившие чувства общности с судьбой народа, все свои упования возлагали на Советский Союз. Польские поэты писали о великом революционном русском народе, о мощи многонационального Советского Союза,

¹ Люциан Шенвальд. Плечом к плечу. Предисловие Валерпана Арцимовича. М., 1949.

² Там же.

³ Włodzimierz Majakowski. Dobrze. L., 1945.

о братстве двух народов, о близости их культуры. Как одно из наиболее дорогих имен произносилось имя Маяковского.

В 1944—1945 гг. войска Советской Армии и Первая польская армия освободили Польшу от фашистских захватчиков. На освобожденной земле создано государство народной демократии. Новая действительность требует своего воплощения в искусстве. Массовый читатель, новый читатель Польши ждет от литературы отражения действительности в ее революционном развитии.

В первых поэтических сборниках, вышедших после освобождения, тема войны против фашизма была отражена многими польскими поэтами. Но гораздо медленнее протекало развитие поэзии о строительстве новой Польши. В многочисленных дискуссиях о путях развития литературы в период строительства новой Польши дебатировались вопросы о реализме. Реакционные критики, представители католической прессы, вели открытую пропаганду идеалистических взглядов. Даже на страницах передовой прессы высказывались часто весьма противоречивые суждения. Передовые журналы порой стояли на объективистских позициях, публикуя реакционные произведения (переводы Сартра и ему подобных). Широко обсуждался вопрос о том, в какой мере поэзия может вторгаться в область политики, эстетично ли это. Освобождение от пут буржуазной эстетики и эклектизма происходило далеко не сразу.

Наступление на буржуазную идеологию во всех областях общественной мысли и знания усилилось в ходе борьбы с правонационалистическими элементами в Польской рабочей партии и в процессе очищения Польской социалистической партии от реакционных элементов. После создания Польской объединенной рабочей партии на основе марксистско-ленинской теории, более последовательно развернулась и борьба против попыток реакционеров протащить свои теориейки на страницы польской прессы. Конгресс писателей в Щецин подчеркнул, что польские писатели должны овладеть методом социалистического реализма. Первостепенное значение в этой связи приобретает значение советской литературы, и в поэзии прежде всего пример Маяковского.

В народно-демократической Польше произведения Маяковского пользуются горячей любовью среди широких слоев трудящихся. Вечера, посвященные его поэзии, проходят на заводах и фабриках, в домах культуры рабочих, в студенческих аудиториях. Творчество Маяковского имеет первостепенное значение в формировании сознания молодого поколения строителей социализма в Польше. Его искусство проникло и в польский театр. В конце 1948 г. Государственный силезский театр им. Ст. Wyspiańskiego в Катовицах осуществил постановку поэмы Маяковского «Хорошо!». Режиссер спектакля Владислав Красновецкий хотел донести до зрителя богатое идейное содержание произведения, воссоздать на сцене исторические картины, образы героических русских людей. Постановка была тепло принята польскими зрителями и прессой¹.

Отвечая все возрастающей любви широкого читателя к Маяковскому, польские поэты осуществляют новые переводы его стихотворений. Особенно большую работу в этой области проделал Адам Ваяник, выпустивший под своей редакцией сборник избранных произведений Маяковского. В своем предисловии он справедливо подчеркивает, что Великая Октябрьская социалистическая революция дала невиданный размах искусству Маяковского, что советский поэт каждый факт советской действительности

¹ «Dobrze» Majakowskiego na scenie katowickiej. — «Trybuna robotnicza», Katowice, 1948, N 289; «Odrodzenie», W., 1949, N 2 (215).

рассматривает с высот социализма. Но в характеристике новаторства Маяковского Важики устанавливает ошибочные параллели, сопоставляя новаторство поэта социалистического реализма со стилистическими «новшествами» поэтов французского декаданса. В целом же статья Важики о Маяковском представляет несомненный интерес.

6

В польской поэзии непосредственное продолжение традиции Маяковского обнаруживается в произведениях, созданных в последние годы.

К семидесятилетию со дня рождения великого Сталина в Польше вышел сборник стихов «Строфы о Сталине», проникнутый горячей любовью к вождю советского народа, вождю всего прогрессивного человечества. В сборнике приняли участие поэты разных поколений. В него включена и небольшая поэма Владислава Броневского «Слово о Сталине». В этом произведении обнаруживаются лучшие свойства Броневского-художника, чье искусство своими корнями связано с жизнью польского народа. Поэма о Сталине говорит о том, что Броневский вышел победителем, успешно преодолев противоречия в своем творчестве. Эти противоречия особенно резко сказались в период второй мировой войны. Революционные стихи Броневского, выдержав проверку временем, в годы оккупации печатались в конспиративных изданиях, служили духовной опорой для народа. Но в стихах Броневского, находившегося в эмиграции на Ближнем Востоке, звучали чрезвычайно сильно ноты скорби, горечи. Он обращался к патриархальной Польше, создавал образы, чуждые революционному пафосу его лучших произведений. В стихах Броневского возникали ассоциации, связанные с библейскими мотивами. Даже идиллические воспоминания детства звучали скорбным аккомпанементом, они подчеркивали безысходное горе поэта, находящегося в разлуке с родиной в час жестоких бедствий народа. Будто не было у этого детства будущего, не было в нем обещания жизни, полной борьбы. Образная ткань произведений утрачивала яркие краски, свойственные лучшим стихам Броневского. Но в Броневском жили силы большого художника, и в тяжелых условиях эмиграции он написал ряд антифашистских произведений — «Нотом сарьенс», в которых чувствуется боевой дух борьбы¹. Для этих произведений характерны ясные реалистические образы, волевая интонация, чеканная строка. Эти стихи резко контрастировали с упадочнической струей его поэзии эмигрантского периода; оставаясь лирическими по своей природе, они выражали совсем иные идеи, иной эмоциональный строй.

Когда Польша была освобождена, Броневский среди поэтов старшего поколения одним из первых заговорил о новой Польше. Ему принадлежит поэма о борьбе за новую Польшу — генерале Вальтере Сверчевском.

Поэма о Сталине² пронизана любовью к великому вождю и советскому народу. Она не является поэмой биографического жанра. Броневский поставил себе другую задачу, и она определила характер этого патетического произведения. «Слово о Сталине» — это стремление, выражающее на языке поэзии признательность великому другу польского народа. Броневский трактует тему великого сражения за мирный созидательный труд, тему борьбы за мир.

Идея поэмы диктовала сближение и переключку с поэзией советского народа, создавшей вдохновенные произведения о Ленине и Сталине, о большевистской партии.

¹ См. Władysław Broniewski. Drzewo rozpaczające, W., 1948.

² Władysław Broniewski. Słowo o Stalinie, „Odrodzenie“, W., 1949.

Сила поэмы Броневского в глубочайшей искренности, в остром чувстве современности, непосредственном ощущении боя, происходящего на земле между лагерем демократии и лагерем реакции. Приступая к решению такой темы, современный поэт не может миновать опыта Маяковского.

В лаконических поэтических формулировках, в обращении к фактам современной истории, в стихе, мобилизующем волю читателя, в сочетании публицистического и лирического начал в поэме Броневского мы обнаруживаем влияние поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Для Броневского приход к этой теме естественен, и он еще раз подтверждает, что его искусство связано с самыми передовыми устремлениями польского народа, ныне вступившего на путь социалистического развития, видящего в Стране Советов пример для себя.

Произнося слово о Сталине, Владислав Броневский выражает в стихах чувства и мысли передового человека Польши. Поэт пишет о строительстве новой Польши, о торжестве сталинского учения, о гении первого друга польского народа.

Поэма Броневского состоит из девяти небольших глав. Во вступительной главе есть переключки с первой частью поэмы «Владимир Ильич Ленин», в которой Маяковский повествует о развитии революционного рабочего движения и научной социалистической мысли. Броневский характеризует XIX век как век роста могильщика капитализма — пролетариата. В этой главе поэмы польский поэт стремится в кратких поэтических формулировках дать политическую характеристику века.

Век на дрожжах поднимавшихся акций,
Фабрик текстильных Манчестера, Лодзи,
Век пробивавшихся в центр из предместий
Толп, вдохновленных новою песней,
Песней, открывшей дорогу свободе,
Песней маевки и демонстраций...¹

Характеризуя жизненный путь товарища Сталина, Броневский показывает неразрывную связь его с большевистской партией: «п жизнь отдав рабочему классу, пошел с Кавказа в дальнюю тундру». Польский поэт рисует грозные битвы, которые вела Страна Советов, воплощая волю народа и волю Сталина. Поэт говорит о том, что враг разбился о твердыни Сталинграда. Город, носящий имя Сталина, воплощает несокрушимый дух советского народа, освободителя всех угнетенных народов.

Перли вперед фашистские орды,
Поля колотили железным градом,
Пока не распались в прах пред гордым
Сталинградом!

Броневский использует в этой поэме смысловое значение рифмы. Например, в строфе о Сталинграде она подчеркивает образ несокрушимости города-героя. Этот образ подчеркивает и звуковая фактура слов и ритм стиха.

¹ Перевод Валеряна Арцимовича.

Parły niemieckie kolumny,
Walły stalowym gradem,
Aż padły pod pięknym i dumnym
Stalingradem.

Поэт пишет о том, что на страже мира стоит Страна Советов, разгромившая гитлеровские полчища. Он воспевает мирное послевоенное строительство в стране социализма, идущей к коммунизму под водительством Сталина. Решительно противостоит лагерь демократии лагерью поджигателей войны. Для более убедительного выявления каждой новой мысли Броневский прибегает к чередованию лирических глав с главами, написанными подчеркнуто публицистично. Лирической интонацией отличаются главы, в которых польский поэт выражает свое отношение к родине, пережившей в дни гитлеровской оккупации великие бедствия и спасенной Советской Армией — армией Сталина. «Слово о Сталине» — это слово в защиту мира, это обвинительная речь против империалистов — поджигателей войны. Эта поэма патриотична и в то же время она пронизана идеями интернационализма.

Восьмая глава поэмы звучит как перекличка всех борцов за мир: народов Китая и Франции, Вьетнама и Польши, народов Страны Советов. Именем Сталина, как феникс, возрождается из пепла сожженная фашистами Варшава. Все народы, ведущие борьбу за мир, вдохновлены образом, примером, словом Сталина, сталинскими деяниями. Его имя, пишет Броневский, это клич всех борцов за мир.

В заключительных строфах поэмы, наиболее сильных и взволнованных, поэт высказывает чувства польского народа к великому учителю. Это песня о великом гении:

Прекрасно могучее море,
Его набегающий вал,
Прекраснее этого орлий полет
Средь утесов и скал.

Прекрасны приливы сердитые,
Прекрасен мятежный полет,
Но море удержат гранитом,
Орла победит самолет,

А сталинским солнечным гением
Все в мире озарено.
Имя его — Вдохновение,
И сила эпохи оно.

Большое мастерство обнаружил Броневский в этом произведении лирико-эпического жанра, посвященном товарищу Сталину, борьбе за мир.

Многообразны ритмы поэмы. Песенность стиха и напряженная страстность речи публициста органически сочетаются в этом произведении.

Воздействие Маяковского ярко сказывается и на развитии самого молодого поколения польских поэтов. Это воздействие испытывают Виктор Ворошильский, Тадеуш Кубяк, Тадеуш Ургач и другие. Эти одаренные,

интенсивно развивающиеся художники совершенно сознательно стремятся усвоить традиции великого советского поэта. Они понимают, что обращение к остро актуальным темам, к решению новых для польской поэзии задач требует освоения опыта первого поэта социалистического мира.

Большую поэму «Речь о трассе W—Z» (Восток—Запад)¹ написал Тадеуш Кубяк. Это поэма о грандиозном строительстве, в процессе которого переосмысливается и жизнь строителя. Смело приступает молодой поэт к решению новой темы; он выбрал правильное направление и в последующих произведениях упорно движется к своей цели.

О шахтерах Польши, о трудовом энтузиазме рабочих Народной республики говорит в своих динамических стихах Тадеуш Ургач.

Молодая поэзия Польши откликается на события международной жизни. «Несколько слов по-китайски, сказанные на Маршалковской» Романа Братного — свидетельство подлинного интернационализма; исчезают казавшиеся непреодолимыми расстояния и соединяются воедино бойцы одной демократической армии. То, что произошло в Китае, является важным событием жизни нового человека Польши.

Молодые поэты обращаются в своих произведениях к революционным традициям своего народа.

Поэма Виктора Ворошильского о Ярославе Домбровском² — прославление патриотизма и повествование о доблестном служении революционному делу. О двух Польшах — панской и народной — пишет Ворошильский. Он рассказывает о пути героя и показывает мощь революционных идей, которые, овладевая массами, становятся великой преобразующей силой.

Творческий облик каждого поэта своеобразен, но всех их объединяют общие черты: они находятся в поре стремительного роста, что является одним из самых убедительных доказательств жизнеспособности дарования, и они правильно воспринимают литературу как часть фронта борьбы за новую, социалистическую Польшу. В их поэзии еще много декларативного, но и эта декларативность, как переходный этап, для некоторых из них была неизбежна. А в лучших произведениях, созданных молодыми поэтами, видна подлинная изобразительная сила, ощущение живого, развивающегося языка революционной Польши, любовь к ее славным прогрессивным литературным традициям, которую они органически сочетают с любовью к советской культуре, к наследию основоположника поэзии социалистического реализма — Владимира Маяковского. Есть все основания предполагать, что молодые поэты будут углублять изучение наследия Маяковского и овладение этим наследием.

Эта ориентация на лучшие образцы советской поэзии тем более важна, что еще многие польские поэты, принадлежащие к разным поколениям, находятся в плену эстетизма, что католические влияния вовсе еще не изжиты в польской культуре. Польские поэты еще не ответили новому читателю на его запросы, не раскрыли перед ним образ строителя новой Польши. В Польше происходит ожесточенная классовая борьба, в борьбе рождаются и утверждаются новые качества человека современной Польши, а груз эстетизма, декадентства, эклектичности, мистицизма еще не изжит в литературе и, в частности, в польской поэзии.

Виктор Ворошильский своим творчеством утверждает позиции ученика Маяковского в польской поэзии. Он успешно переводит стихи

¹ Tadeusz Kubiak. Rzecz o trasie W—Z. «Odrodzenie», 1948, N 41.

² Wiktor Woroszyński. Noc komunarda. W., 1949.

Маяковского на польский язык («Десятилетняя песня», «Сифилис» и др.)¹, активно участвует на страницах польской прессы в обсуждении и пропаганде поэтических принципов Маяковского и, что особенно существенно, обращается к темам, наиболее важным в жизни современной Польши. В стихах Ворошильского создан образ Вальтера Сверчевского — революционного генерала, антифашиста и строителя социалистической Польши, образы молодых тружеников новой Польши, борцов за мир. Ворошильский чувствует ответственность за все, что происходит в социалистической Польше, он живет интересами демократии всего мира. Поэтому его стихи насыщены атмосферой борьбы, и это определяет основной характер его поэзии — партийной, боевой, страстной. Для Ворошильского тема личного счастья и судьбы народа неотделима. Он, как и другие передовые молодые поэты Польши, не примеряет свои чувства к событиям, а живет в центре этих важнейших событий, а это и является почвой подлинного искусства. Он понимает, что глубокое лирическое раскрытие темы возможно только в произведении большой социальной насыщенности. Именно эти качества его искусства сближают поэзию Ворошильского с традицией Маяковского. В стихотворении «Смерти нет» поэт говорит о бессмертии подвига коммунистов, в преемственности благородных революционных традиций он видит подлинную красоту жизни.

Дарование Ворошильского многообразно. Он обнаруживает качества поэта-сатирика, обрушиваясь на предателей дела социалистической демократии, лакеев империализма².

Значителен и цикл его стихов «Первая линия мира»³, опубликованный в 1949 г. на страницах журнала «Кузница». Ворошильский далеко ушел от многословия своих стихов первого периода. Поэт отбирает стилистические средства, растет его мастерство. В цикл вошли: стихи о братстве, посвященные Полю Робсону, стихотворение о дружбе польских и немецких антифашистов (они написаны в связи с арестом Макса Реймана), лирическое произведение о Советском Союзе. Цикл завершает стихотворение, посвященное товарищу Сталину, — его имя объединяет всех, кто борется за мир и за социализм. Каждая тема подсказывает поэту новое решение: одни стихи звучат как песня, другие как страстный лирический монолог, третьи — как торжественная речь оратора.

Поэт вышел на передовую линию борьбы за мир и, сознавая всю ответственность, которую он взял на себя, говорит от имени людей Польши. Именно поэтому такое большое значение для него и других молодых польских поэтов приобретает творчество Маяковского. Читая стихи Ворошильского и его поэтических соратников, можно определить, какие коренные сдвиги произошли в стране народной демократии, о чем думает и чем живет молодая Польша. Это, может быть, самая большая заслуга поэтов, которые по существу только недавно вступили в литературу.

Выход к боевым темам современности неизбежно связан со спорами о путях развития поэзии, об освоении одних традиций и отрицании других, о преодолении чужеродных явлений.

Несомненно, что подлинное сближение с Маяковским в каждой литературе происходит только на основе использования лучших революционных традиций своей национальной литературы, если поэт неустанно обращается к живому и развивающемуся языку своего народа. Оно

¹ Włodzimierz Majakowski. Syfilis. «Dziennik literacki», 1948, N 50.

² Wiktor Woroszyński. Weekend mister Smitha. W., 1949.

³ Wiktor Woroszyński. Pierwsza linia pokoju. «Kuźnica», 1949, N 44.

происходит на основе глубокого проникновения в жизнь народа и обнаружения наиболее прогрессивных ее тенденций.

Передовые писатели Польши указывали, что для польской поэзии задачей первостепенной важности является овладение методом социалистического реализма, борьба с рецидивами декаданса, борьба с объективистскими позициями, освоение лучших традиций польской литературы и опыта советской литературы, консолидация всех прогрессивных сил литературы.

На этих путях происходит встреча польских поэтов с Маяковским, сближение с которым предполагает подлинное идейно-художественное новаторство, ибо велики задачи, которые призвана ныне разрешать польская литература.

Передовые польские поэты писали о необходимости последовательной борьбы за актуальную политическую, партийную поэзию, об освобождении языка от псевдопоэтического лексикона — «мистерияльного, сотканного из лед, эндимонов и персефонов...»

Развивающаяся польская поэзия уже не может ограничиваться общими признаниями значения поэзии Маяковского. Народ видит в поэтическом слове могучее средство идейного воздействия. Стремление быть верными принципам Маяковского, его партийному отношению к литературе способствует творческому росту поэтов, помогает им выявить своеобразие их дарования. Это относится к творчеству поэтов разных поколений.

8

Поэзия Маяковского в Польше стала народным достоянием. Стихи Маяковского можно услышать из уст молодого рабочего, студента. Они помогают польским читателям Маяковского сформулировать и выразить свое новое отношение к жизни.

В статье о значении советской литературы для культуры польского народа, напечатанной в 1949 г. на страницах журнала «Кузница», писатель-переводчик Северин Полляк писал: «Чистота тона поэзии обусловлена величию цели, которую она себе ставит. Если поэты наших дней действительно хотят быть на высоте своей задачи, они должны добиться такой идейной чистоты тона в своем творчестве, какую мы видим у таких писателей, как Горький, Маяковский, Шолохов, Эренбург...» Северин Полляк пишет о стихах Маяковского, о его примере, подчеркивая, что в деле защиты завоеваний социализма слово писателей должно стать оружием.

Переводы произведений советской литературы и поэзии Маяковского на польский язык Полляк расценивает как событие большого идейного значения. Он пишет, что в борьбе с империализмом «обмен культурными ценностями с Советским Союзом и странами народной демократии, объединенными в борьбе за социализм, равняется проверке вооружения... Каждое стихотворение Маяковского, переведенное на польский язык, обогащает наш арсенал средств идеологического воздействия». «Нет почти ни одного рабочего клуба, нет молодежного собрания, на которых бы не декламировались произведения советских поэтов. Маяковский известен и любим в Польше — это можно сказать без преувеличения — не в меньшей степени, чем польские поэты...»¹

Это признание еще раз подтверждает, что Маяковский органически вошел в культуру народно-демократической Польши. В польской прессе

¹ Seweryn Pollak. O czułości poetów. «Kuźnica», 1949, N 40.

появляется множество новых переводов произведений Маяковского. Со страниц польских газет и журналов звучит слово Маяковского, изобличающее империалистическую Америку, прославляющее строительство социализма, людей социалистического труда. Его стихи говорят о бдительности, о верности коммунистической партии, они выражают любовь к Советскому Союзу, они пронизаны идеями Ленина—Сталина. И сотни тысяч новых читателей Польши вслушиваются в голос лучшего, талантливейшего поэта нашей, советской эпохи.

Вопрос о наследии Маяковского неизбежно перерастает рамки литературных дискуссий потому, что свои права на это наследие уже предъявил массовый читатель, и все новаторское в искусстве, кровно связанное с жизнью народа, вступившего на путь социалистического развития, неизбежно сближается и будет сближаться со славными традициями величайшего поэта XX века — поэта Страны Советов.

«Творческие достижения Маяковского, — писала «Культура и жизнь», — это тот живительный воздух, без которого не может жить и развиваться современная поэзия. И действительно, к какой бы проблеме ни обратились современные поэты: к проблеме ли партийности поэзии, к вопросу ли о советском патриотизме и борьбе против низкопоклонства перед буржуазным Западом, к теме ли социалистического строительства, к теме ли борьбы за мир против поджигателей войны, к теме ли искоренения буржуазных пережитков в нашей идеологии и морали, — везде перед нами живой пример Маяковского, который всюду был первым, был зачинателем, обогнавшим современную ему поэзию...»¹

Поэт, открывший новую эпоху в истории мировой поэзии, так же, как и у себя на родине, — живой участник борьбы за социализм в странах народной демократии, борьбы за мир против поджигателей войны, борьбы за поэзию социалистического реализма.

¹ Газета «Культура и жизнь», М., 1949, № 32.

Н. Х. Иванова

О ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАЯКОВСКОГО НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В Польше Маяковского переводили и переводят особенно много. Первый перевод Маяковского на польский язык появился в 1921 г. Это было стихотворение «Поэт-рабочий» («Poeta-robotnik»), напечатанное в газете «Robotnik» (№ 306). В том же году в журнале «Новое искусство» (Варшава) была помещена первая часть «Облака в штанах» в переводе Анатоля Стерна. В 1922 г. в «Польской газете» (Варшава) появились переводы стихотворений «Дешевая распродажа», «Левый марш», «С товарищеским приветом, Маяковский». Из них особенную известность получил «Левый марш». В 1923 г. вышел полный (если не считать купюр цензуры) перевод поэмы «Облако в штанах», мастерски сделанный Юлианом Тувимом. Это было первое отдельное издание Маяковского, вышедшее за рубежом.

В 1927 г. Маяковский дважды посетил Польшу. Он познакомился с наиболее выдающимися польскими писателями и поэтами (Тувимом, Броневским и др.) и по их просьбе написал предисловие для сборника, который вышел в Варшаве в том же году под редакцией Анатоля Стерна, — первого сборника переводов произведений Маяковского, изданных за границей. Много переводов Маяковского было напечатано в Польше в 1930 г., в год смерти поэта («Домой», «Наш марш» в пер. Броневского и др.). Несколько раз стихи Маяковского включались в сборники («Новая русская поэзия», Варшава, 1923 г.; «Из новой русской лирики», 1936 г. и др.). В предвоенные годы в Польше, где царил режим террора и военной цензуры, бичуемый Маяковским в стихотворениях «Польша», «Чугунные штаны», — переводов его произведений не печатали.

Писатели, эмигрировавшие из Польши в Советский Союз, опубликовали ряд переводов. Наиболее полно переводы Маяковского представлены в сборнике, изданном в Киеве в 1940 г. Здесь помещены переводы почти всех наиболее значительных произведений Маяковского, начиная со стихотворения «А вы могли бы» (1912) и кончая вступлением в поэму «Во весь голос». Стихотворения расположены в хронологическом порядке. Предисловие к сборнику написал известный польский критик Ежи Борейша. В издании сборника принимали участие такие крупные поэты, как Люциан Шенвальд, Мечислав Яструн, Адам Важики, Леон Пастернак, и др.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты», вспоминая о тяжелых годах оккупации Польши немецкими фашистами, Мечислав Яструн говорил о животворном воздействии поэзии Маяковского. Журнал для молодежи, так называемой «левицы ППС», впоследствии вошедшей в Польскую объединенную рабочую партию, назывался «Левый марш». Стихотворение Маяковского под этим же названием — одно из первых,

переведенных на польский язык (1922), знала и любила польская революционная молодежь. Марш, посвященный матросам революции, провозглашал: «Komuny nikt nie zwycięży» («Коммуна непобедима»), помогал бороться с захватчиками и верить в победу.

Во время войны, в оккупации, польский поэт Артур Сандауер по памяти перевел почти полностью поэму Маяковского «Хорошо!». В тяжелых условиях, в одиночестве создавал он свой перевод. В оптимизме поэмы Маяковского он искал, как пишет об этом в предисловии к переводу, «спасения от темноты, голода и холода». В 1945 г. издательство «Książka» (Книга) выпустило перевод отдельной книгой.

Особенно близок стал Маяковский польскому читателю в освобожденной, независимой народно-демократической Польше. Кроме выпущенного отдельной книгой перевода поэмы «Хорошо!», ряд переводов был напечатан в вышедшем в 1947 г. под редакцией Мечислава Яструна и Северина Полляка сборнике «Два века русской поэзии». В 1948 г. в Варшаве вышли «Избранные стихи» Маяковского под редакцией и с предисловием Адама Важика. Сюда вошли переводы Броневского, Тувима, Шенвальда, Важика, Яструна, Пастернака, Парецкого, Леца и др.

Пафос труда, которым проникнуты послеоктябрьские стихи Маяковского, находит живой отклик в сердцах польских трудящихся. В газетах и журналах часто появляются отрывки из поэмы «Хорошо!» в переводах различных авторов. Появляются переводы стихотворений, посвященных труду и жизни советских рабочих и крестьян: «Рассказ о Кузнецком строении в людях Кузнецка» (пер. Б. Алапина)¹, «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» (пер. Ф. Парецкого)², «Чудеса» (пер. С. Полляка)³ и др. Резкая критика Маяковским бюрократизма, косности, мещанства, всего, что мешало нашей молодой социалистической стране строить счастье народа, не потеряла своей остроты в сегодняшней Польше; польские газеты и журналы печатают переводы стихотворений «Прозаседавшиеся» (пер. Е. Путрамента)⁴, «О дряни» (пер. Ф. Парецкого)⁵ и др.

Особо следует отметить переводы произведений Маяковского о Ленине. Отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин», стихотворения «Не верим», «Разговор с товарищем Лениным», с огромной любовью рисующие облик великого вождя, дорогого рабочему классу и трудящимся всего мира, переводились и печатались по многу раз.

В литературных газетах и журналах неоднократно появлялись переводы произведений Маяковского, посвященных роли поэта в строительстве социализма. Это, прежде всего, поэтическое кредо Маяковского — вступление в поэму «Во весь голос». Это произведение печатается в переводе А. Важика, сделанном в 1940 г.⁶ и в переводе Вл. Броневского, сделанном в 1946 г.⁷ Печатаются переводы стихотворений «Домой» (оно также переведено Важиком и Броневским)⁸, «Сергею Есенину» (перевод Л. Пастернака)⁹, «Поэт-рабочий» (перевод Вл. Броневского)¹⁰, «Разговор с фининспектором о поэзии» (перевод Я. Бжехвы)¹¹ и др.

¹ «Przyjaźń» (Дружба), 1949, № 10.

² «Odrodzenie» (Возрождение), 1949, № 10.

³ «Odrodzenie», 1948, № 49.

⁴ «Kuźnica» (Кузница), 1949, № 40.

⁵ «Szpilki» (Шпильки), 1948, № 49.

⁶ «Kuźnica», 1947, N 45.

⁷ «Kuźnica», 1946, N 23.

⁸ «Odrodzenie», 1949, N 45; «Kuźnica», 1948, N 46 и др.

⁹ «Kuźnica», 1949, N 4.

¹⁰ «Kuźnica», 1946, N 37.

¹¹ «Odrodzenie», 1948, N 46.

Маяковский является учителем передовых поэтов современной Польши. Его влияние чувствуется в творчестве Броневского, Тувима, Шенвальда, Важика, Пастернака и молодых поэтов — Виктора Ворошильского и других, стремящихся освоить традиции революционной пролетарской поэзии Маяковского.

Одной из форм освоения эстетических принципов поэта Великой Октябрьской социалистической революции является непосредственная работа над переводами его произведений на польский язык.

Переводы произведений послеоктябрьского периода творчества Маяковского играли наибольшую роль как в общественной жизни Польши, так и в творческом развитии польских поэтов-переводчиков.

Перед переводчиками стояла трудная задача — передать идейное богатство и исключительную выразительность поэтического языка Маяковского, найти ощущение живого разговорного языка со свойственными ему особенностями синтаксиса, с обильной аффиксацией и привлечением большого числа «просторечных» и диалектных выражений. В основном переводчики справились с этой трудной задачей. Образцами переводческого искусства являются работы Тувима, Броневского, Шенвальда, Ворошильского, Саудауера и некоторых других. В совершенстве владея словарным богатством польского языка, эти поэты находят адекватные выражения для каждого оборота и каждого слова подлинника.

Основным требованием, которое предъявлял сам Маяковский к переводам своих произведений, было сохранение остроты и доходчивости стиха. По свидетельству Р. Райт, переводившей на немецкий язык «Мистерию-буфф», Маяковский «бывал очень доволен, если перевод был сделан... его методами, его приемами...»¹ Важно было сохранить хлесткость рифмы, разговорность интонации. Говоря в предисловии к польскому изданию 1927 г. о трудности перевода своих стихов, Маяковский подчеркивает именно то, что он вводит «в стих обычный разговорный язык» и в качестве примера непереводаемого выражения приводит строчку из «Необычайного приключения»: «светить — и никаких гвоздей!»²

Несколько раз переведено на польский язык вступление в поэму «Во весь голос», где Маяковский как бы подводит итог своей двадцатилетней творческой работы, выдвигая, как основное ее достоинство, партийность:

Явившись
в Це Ка Ка
ирующих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг,
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек³.

Лучший перевод вступления в поэму принадлежит крупному польскому поэту, представителю польской революционной поэзии Владиславу

¹ «Маяковскому». Сб. воспоминаний и статей. Л., изд-во «Художеств. литература», 1940, стр. 125.

² В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 274.

³ Там же, стр. 181.

Броневскому. Его перевод близок к оригиналу не только текстуально, но и по ритму, что является большим достижением и редко удается польским переводчикам. В этом отношении перевод Броневского стоит выше перевода этого же произведения Маяковского, сделанного в 1940 г. крупным польским поэтом Адамом Важином, который переводил Маяковского больше, чем кто-либо другой из польских поэтов.

Живая речь агитатора революции умело передана в переводе Броневского благодаря использованию им богатств родного языка. Броневский не старается дать дословный перевод, он заботится прежде всего о том, чтобы сохранить в переводе систему образов Маяковского.

В поэме «Во весь голос» поэт пишет об остроте и действенности своей поэзии:

Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий¹.

Эту проверку боевой готовности поэзии Маяковского, которую он целиком отдал на служение рабочему классу, Броневский передает в переводе в совершенстве:

Rozwijam wojska / stron,
do rewii wciąż gotowe,
by przejść
przed moich strof
paradnym szykiem.
A wojska stoja
olowiane
ciężkie,

¹ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 178.

gotowe iść po śmierć,
 i sławę nieśmiertelną.
Zamarły poematy
 — baterie dział
 zwycięskie,
tytuły ich
 to lufy nastawione celnie.
Ta broń,
 co zawsze
 była mi najmilszą,
gotowa śmiało
 ruszyć w bój
 z okrzykiem,
zastygła
 kawaleria żartów,
 milcząc,
podniósłszy rymów
 wyostrzone piki.
I wszystkie wojska te,
 po zęby uzbrojone,
armie,
 co szły
 w zwycięstwach długie lata,
aż do ostatniej
 moich książek strony,
oddaje ci,
 proletariuszu świata¹.

В переводе передана характеристика монументальности стихов (почти дословно: «А стихи стоят свинцовые, тяжелые»), сохранено сравнение поэм с пушками. Гибкость, меткость острот, готовых рвануться и осыпать врага смертоносными пиками сатиры, передает глагол «guszyć» — ринуться. Маяковский подчеркивает «маневренность» своей армии: «все поверх зубов вооруженные войска, что двадцать лет в победах пролетали»; Броневский выдвигает на первое место их неутомимость: «все эти войска, вооруженные до зубов, армии, что шли в победах долгие годы», достигая этого впечатления стойкости, неутомимости заменой (разумеется, вынужденной) глагола «пролетали» глаголом «шли» и введением в текст «долгих лет» (вместо конкретных двадцати лет у Маяковского). Но эти замены не мешают созданию образа мощной, непобедимой армии, а в этом и состояла задача переводчика.

Говоря о долговечности своих стихов, Маяковский одновременно подчеркивает их непреходящую актуальность:

Мой стих
 трудом
 громаду лет прорвет
и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо.

¹ «Kúznica», 1946, N 23, стр. 3.

как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима¹.

Содержание этого четверостишия, переведенного Броневским, донесено до польского читателя:

Mój wiersz
wysiłkiem
trwałość swą osiągnie,
widzialny,
ważki,
napór lat przetrzyma,
tak jak do dziś
dotrwały wodociągi,
które wznosili
niewolnicy Rzymu².

Мощь и силу своих стихов Маяковский, помимо эпитетов «грубо, зримо», подчеркивает и глаголом «явится», т. е. предстанет въявь, станет перед глазами. Переводя дословно эпитеты, Броневский предпочел опустить глагол «явится», так как в польском языке он наличествует лишь в совершенном виде («zjawić się» — появиться). Чтобы компенсировать эту потерю, поэт-переводчик пополняет арсенал глаголов, характеризующих «прочность», долговечность стиха: «мой стих ценой усилий (буквально — усилием. — Н. И.) достигает долговечности, зримый, весомый [веский] он вынесет [выдержит] напор лет так, как до сегодняшнего дня дожили акведуки, которые воздвигали рабы Рима». Усилия переводчика достигают цели: в его переводе сохранены образы монументальных, вечно живых стихов Маяковского.

Маяковский пишет:

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупываете их,
как старое,
но грозное оружие³.

Броневский переводит это четверостишие таким образом:

W kurhanach książek,
które grzebią wiersze,
gdy ostrza strof
przypadkiem odnajdziecie,
żelastwo to
z szacunkiem do rąk bierzcie,
jak starą broń,
lecz jeszcze groźną przecie⁴.

¹ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 177.

² «Кузница», 1946, N 23, стр. 3.

³ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 177—178.

⁴ «Кузница», 1946, N 23, стр. 3.

т. е.:

«В курганах книг, что погребли стихи, если вы найдете случайно острия слов, — берите это железо в руки с уважением, как старое, но все еще грозное оружие».

Смертоносность этого оружия у Броневского передает образ «острия слов», напоминающий наконечники мечей, пик и т. п. Этого образа нет в подлиннике, но он не выпадает из общего плана стихотворения и из всей системы образов Маяковского, всегда конкретных, «весомых» и «зримых».

В переводе Важика соответствующие строки, в результате «вольности» перевода, искажают образ:

Z szacunkiem
pyłek
ocierać z nich trzeba —
to szczątki starodawnej,
ale groźnej broni¹.

Маяковский (и Броневский в своем переводе) подчеркивает пригодность этого оружия стихов для сегодняшних битв («вы с уважением опупывайте их» — так, как пробуют наощуь остроту сабли, кинжала и т. п.), а Важик предлагает «с уважением стирать пылинки» с этих «остатков древнего, но грозного оружия», рассматривая его, видимо, лишь как археологическую находку. Это пример искажения переводчиком мысли поэта.

Как правило, образы, вводимые в перевод Броневским, соответствуют системе образов Маяковского. Исключение составляет один случай. Говоря о вечной жизненности своих стихов, Маяковский пользуется отрицательными сравнениями. Вот одно из них:

Мой стих дойдет,
но он дойдет не так, —
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит².

Эту последнюю строчку Броневский переводит так:

ani jak zmarłych gwiazd
dochodzi światło złote³.

«Золотой свет звезд», избитый образ из арсенала романтической поэтики, никак не уместен в стихах поэта-новатора Маяковского.

В данном случае Адам Важик дает более близкий к подлиннику образ:

ani jak światło gwiazd
w sto lat po ich agonii⁴.

¹ W. Majakowski. Wiersze i poematy. — «Książka i wiedza», W., 1949, стр. 320.

² В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 177.

³ «Kuznica», 1946, N 23, стр. 3.

⁴ W. Majakowski. Wiersze i poematy. — «Książka i wiedza», W., 1949, стр. 319.

т. е. «не как свет звезд спустя сто лет после их агонии». Маяковский употребляет в этом стихотворении эпитет «умершие», а не «угасшие». Здесь выступает обычная у Маяковского персонификация неодушевленных предметов. Важик подхватывает эпитет «умершие» и вводит «агонию» звезд. Образ допустим — он не нарушает принципов поэтики Маяковского.

Небрежное отношение некоторых переводчиков к образам Маяковского (в переводах Броневского приведенный выше пример единичен) приводит к искажению подлинника. Чаще всего оно бывает вызвано погоней за рифмой. Ради сохранения рифмы переводчики иногда прибегают к использованию шаблонных эстетских образов и тропов. Так, в переводе Тувима «Облака в штанах» лирический герой напоминает Марни:

Mowilaś:
«Jack London,
pieniądze,
w odmęt miłości i szalu paść...»¹

т. е., «пасть в бездну (буквально — омут. — Н. И.) любви и безумства», тогда как у Маяковского здесь простое перечисление:

Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть...»²

Зачем понадобилось Тувиму «бездна любви и безумства»? Чтобы зарифмовать «paść» — «kraść».

Надо сказать, что в этом переводе такого рода эстетские ляпы встречаются неоднократно: «лица от копоты в оспе» Тувим переводит: «копотью оспы покрытые, как маской»; «губ неисцветная прелесть» в его переводе превращается в «ароматные цветы губ» и т. д.

В своем добросовестном и близком к подлиннику переводе поэмы «Хорошо!» Артур Сандауер реальный, осязаемый пейзаж Маяковского «Дымом небесный лак помутив» (рифма — локомотив) — превращает в туманный, декадентский: «Niebiosa w dymnych loków motywach», т. е. «небеса в дымных локонов мотивах» (рифма — Lokomotywy). Столь же реальные «инжир с айвой» превращаются под пером Сандауера в таинственные «бальзамы»:

Widziałem miejsca,
gdzie różne balsamy
u moich ust
rozkwitały same...

И все это ради рифмы (balsamy — same).

Все эти декадентские образы мешают поэтам-переводчикам донести до читателя во всей силе и убедительности стих Маяковского. Влияние буржуазной эстетики отрицательно сказывается в том, что в переводы величайшего поэта-новатора просачиваются те самые «мелехлюндии из арсеналов искусств», против которых он боролся всю жизнь.

¹ W. M a j a k o w s k i, Obłok w spodniach. «Philobiblon», W., 1923, стр. 9.

² В. В. М а я к о в с к и й. Полное собр. соч., т. 1, стр. 184.

Возвращаясь к переводу Броневским вступления в поэму «Во весь голос», следует отметить, что в переводе сохранен образ поэта — живого человека, непосредственно общающегося с будущими поколениями. Фигура поэта-агитатора, идущего в будущее через томы и томики лирики, о которой Маяковский говорит с пренебрежением, предстает перед нами в переводе Броневского:

Głuszac hałas
w poetyckim słowie,
derpcac tomy liryk
— żywy człowiek —
jasno
chcę
przed wami się tłumaczyć¹.
(Заглушая шум в поэтическом слове,
топча томы лирики — живой человек —
я хочу поговорить с вами начистоту).

Глагол *tłumaczyć się* выбран переводчиком неудачно. Это — значит «объясняться», т. е. в какой-то мере оправдываться. В подлиннике — говорить:

Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой,
с живыми говоря².

Броневский творчески осмысляет стихи Маяковского, отсюда большая близость его переводов к подлиннику. Рассматриваемый перевод не только представляет ту же систему образов, но и тот же ритм, что и подлинник. Лишь отдельные строки (как правило, избыточные образами) выпадают из ритма:

Zamarły poematy
— baterie dział zwycięskie³.

Здесь Броневский использовал новые сравнения, назвав поэмы пушками, орудиями, что в подлиннике подразумевается: Маяковский говорит лишь о жерлах-заглавиях:

Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло,
нацеленных
зияющих заглавий⁴.

Но это не снижает общего впечатления от перевода, живого и яркого. С большим мастерством сделан Люцианом Шенвальдом перевод стихотворения Маяковского «Необычайное приключение». Образ поэта,

¹ «*Kuźnica*», 1946, N 23, стр. 3.

² В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 177.

³ «*Kuźnica*», 1946, N 23, стр. 3.

⁴ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 178.

сравнивающего действие своей поэзии с действием солнечной энергии, с действием прогрессивнейших сил общества (ибо «солнце» в стихотворении — не только светило):

Стена теней,
ночей тюрьма,
под солнц двустволкой пала¹.

Здесь в описании картины солнечного восхода явно чувствуются намеки на революцию.

Образ поэта-революционера в совершенстве передан в переводе. Сохранен тон непосредственного рассказа поэта о «приключении», живой диалог с солнцем, наконец, бодрый, оптимистический призыв: «светить — и никаких гвоздей!»

В начале стихотворения Маяковский, описывая место действия, изображает типичный подмосковный пейзаж. Шенвальд вводит в это описание слова «Otóż to» (и вот), очень частые у Маяковского, всегда непосредственно обращающегося к читателю. В переводе отражена резкость обращения автора к солнцу путем введения вульгаризмов: «ślepie» — буркалы, «szwendać się» — шляться, łbie złoty — золотая башка, — и иронического оборота:

Maḍreś ty!
W obłóczkach plyniesz wdzięcznie!

(умник! Плывешь (себе) мило в облачках!).

У Маяковского в подлиннике:

«Дармоед!
Занежен в облака ты!..»²

Ироническая интонация, сопровождающая слова «maḍreś» и «wdzięcznie» и заставляющая переосмыслить их значение, полностью оправдывает введение их в перевод: «maḍreś ty»; они осмысливаются в данном контексте как «ты — не дурак»; подчеркивается ловкость, не всегда благовидная, направленная именно к тому, чтобы жить паразитом. Слово «wdzięcznie» также переосмыслиется, и вместо «мило», «приятно» приобретает значение «лениво», «небрежно».

Подбором соответствующих выражений Шенвальд достигает того, что для читателя первое впечатление от появления солнца — это его массивность:

Przez okna,
drzwi,
szparą przez dach
waliła słońca masa.
Stanęło.
Sapiąc, że aż strach,
tak przemówiło basem...³

У Маяковского:

В окошки,
в двери,

¹ В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 2, стр. 56—62.

² Там же.

³ W. Ma j a k o w s k i. Wiersze i poematy. — «Książka i wiedza», 1949, стр. 74.

в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом...¹

Шенвальд не переводит дословно глагола «валиться», он берет польский равнозвучный, но не равнозначный невозвратный глагол «walić» (который означает «итти», «говорить», «давать» с сильным эмоциональным оттенком). Этот глагол, в данном контексте обозначающий «быстро, но неуклюже двигаться», в сочетании с деепричастием «sariąc» (переводя дух, отдуваясь, сопя) и при сохранении словосочетания «солнца масса» и создает образ большого и неуклюжего солнца.

Постепенно в ходе действия выявляются внутренние черты образа солнца. Его теплые, но не утешительные, а бодрящие слова, обращенные к поэту:

«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось итти,
идешь — и светишь в оба!»²

«Nie martw się.
Cóż znów?
Patrz się na rzeczy proście.
A myślisz,
imnie oświecać świat
to łatwo?
Spróbuj no tak!
Trzeba —
więc idziesz rad nierad
i świecisz we sto potęg»³.

Задуманная, мягкая интонация передана в переводе при помощи слов «nie martw się» — не огорчайся, «coż znów» — Ну, что ты? (Что с тобой? Стоит ли?). Употребленная Маяковским с целью показа максимальности усилий, которые вкладывает в свой труд солнце, идиома «в оба» (в непривычном контексте: — «светишь в оба») переведена Шенвальдом: «świecisz we sto potęg» — как бы «светишь в сто сил».

Бодрый призыв, которым кончает Маяковский свое стихотворение:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!

¹ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 2, стр. 58.

² Там же, стр. 61.

³ W. Majakowski. Wiersze i poematy. — «Książka i wiedza», 1949, стр. 75—76.

вот лозунг мой —
и солнца!¹

в переводе Шенвальда не потерял силы:

Tak zawsze świeć,
Tak wszędzie świeć,
do dni ostatnich końca,
świeć —
i przepalaj każdy śmieć
— drogowskaz mój —
i słońca!²

Лозунг «светить — и никаких гвоздей!» включает в себя идиому, неперево-
димую на польский язык (кстати, именно это выражение приводил Мая-
ковский, говоря о трудности перевода своих стихов в предисловии к поль-
скому изданию своих стихов 1927 г. — «Польскому читателю»)³. Шенвальд
опустил эту идиому, конкретизировав зато действие глагола «светить»:
«свети — и сжигай любой сор!»

Образ закономерен не только вследствие своей конкретности, но
также и потому, что перекликается с пониманием Маяковским роли
поэта: «...поэт тот, кто в нашей обостренной классовой борьбе отдает
свое перо в арсенал вооружения пролетариату, кто не гнушается никакой
черной работой...»⁴

Величайшим достоинством переводов Шенвальда является сохранение
точного ритмического рисунка подлинника, что, как уже было сказано,
большая редкость в польских переводах.

Из молодых поэтов с переводами Маяковского выступил Виктор Во-
рошильский. Его переводы «Десятилетней песни», отрывка «Москва» из
стихотворения «Нашему юношеству», стихотворения «Сифилис» отли-
чаются рядом достоинств. Интонационно-ритмическое звучание его пере-
водов воспроизводит ритмику Маяковского; то же можно сказать о си-
стеме образов и языке. В результате его стихотворения сохраняют всю
убедительность и силу воздействия подлинника. Показателен в этом
отношении перевод стихотворения «Сифилис» из цикла «Американских
стихов».

Переводя это стихотворение, Ворошильский заботился прежде всего
о передаче гневной, едкой иронии, которой насыщен подлинник. Мая-
ковский издевательски описывает миллионера Свифта, с мягкой иронией
рисует наивного, честного труженика Тома, с гневом передает проповедь
пастора, шельмующего чету негров, счастье которых навсегда разбито
бесчеловечными условиями жизни в «американском раю», с целью прину-
дить к покорности и вере в «божью справедливость» остальную паству.

Описывая Свифта, шествующего перед свитой пассажиров I класса,
Маяковский иронически-подчеркнуто представляет его:

...первым
шел
в алмазной заре
свиной король —
Свифт⁵.

¹ В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 2, стр. 62.

² W. Ma j a k o w s k i. Wiersze i poematy. — «Książka i wiedza», стр. 77.

³ В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10, стр. 274.

⁴ В. В. Маяковский. Выступление в Доме комсомола Красной Пресни
на вечере, посвященном 20-летию деятельности, 25 марта 1930 г. — Полное собр.
соч., т. 10, стр. 373.

⁵ В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 7, стр. 110.

С таким же ироническим почтением представляет Свифта польскому читателю Виктор Ворошильский:

Pierwszy
szedł
w diamentowej zorzy
Swift
król
świń¹.

Это подчеркнутое ироническое почтение выражается интонационным и графическим выделением каждого из трех слов: «Свифт — король свиной», которые образуют каламбур (свиной король или король свиной?).

Горечью и гневом звучит заключение стихотворения:

В политику
этим
не думал ввязаться я.
А так —
срисовал для видика.
Одни говорят —
«цивилизация»,
Другие —
«колонизальная политика»².

В переводе сохранена эта горечь и ирония:

«Na polityki
teren
nie chciałem tu wkraczać ja.
Prostu —
powiastka nie brzydka.
Jedni powiadają —
«cywilizacja»,
inni —
«kolonialna polityka»³.

Адекватность перевода достигается здесь введением термина «polityki teren» (политическая арена), употребленного в ироническом смысле, сохранением уменьшительного «powiastka» (рассказик) в соответствии с «видиком» у Маяковского, переводом глагола «говорят» просторечным «powiadają», что сразу вносит контраст словам «цивилизация», «колонизальная политика» и помогает раскрыть их истинный смысл, как его понимает Маяковский.

Поэты, переводы которых мы рассматривали, сумели воспроизвести идейную силу и художественное своеобразие поэзии Маяковского, которая оказывает огромное воздействие на читателя, воспитывая социалистическое мировоззрение, социалистическую мораль. Она обогащает, учит и самих поэтов в их борьбе против влияния буржуазной эстетики, за социалистическую литературу. Работа над переводами произведений Маяковского — активный процесс восприятия и освоения его поэтических принципов. Этот опыт помогает польским поэтам в создании литературы социалистического реализма.

¹ «Dziennik literacki», 1948, N 50, стр. 2.

² В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 116.

³ «Dziennik literacki», 1948, N 50, стр. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

Переводы произведений В. Маяковского на польский язык¹

Отдельные книги

Облако в штанах (Obłok w spodniach). Пер. Юлиана Тувима. Warszawa, 1923.

Избранные стихотворения (Wybór poezji). Под ред. Анатоли Стерна. W., 1927.

Стихи (Wiersze). Под ред. Адама Важики и Ежи Бореиши. Kijów—Lwów, 1940.

Хорошо! (Dobrze!). Пер. Арт. Сандауера. Лодзь, 1945.

Избранные стихотворения (Wiersze wybrane). Под ред. Ад. Важики. W., 1948.

Хорошо! (Dobrze!). Пер. Арт. Сандауера. Инсценировка Вл. Красновецкого. W., 1949.

Маяковский и О. М. Брик (Majakowski i O. M. Bryk). Radio—październik. Groteska rewelacyjna. Пер. Владимира Слободкина.

Стихотворения (в алфавитном порядке)

А вы могли бы? (Powiedźcie, czy umiecie zagrać?). Пер. Вл. Слободкина. — Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 120; Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 13.

Барабанная песня (W takt bębna). Пер. Л. Шенвальда. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 61—63.

Блэк энд уайт (Black and white). Пер. Фр. Парецкого. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 152—155; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 10. 1948, с. 71—75.

Бродвей (Broadway). Пер. Ст. Е. Леца. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 156—158.

Бруклинский мост (Most Brukliński). Пер. А. Важики. — Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, 76—80; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 321—325.

Великолепные нелепости (Przepyszne bzduury). Пер. Ан. Стерна. — Majakowski. Wybór poezji. 1927, с. 110—111; Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 3—4.

То же. Пер. Арт. Сандауера. — «Kuźnica», 1948, N 46.

Верлен и Сезанн (Verlaine i Cezanne). Пер. Юл. Пшибося. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 171—176.

Владимир Ильич Ленин (Włodzimierz Iljcz Lenin). Отрывки: Дума-лось: сразу... (Zdawało się zrazu). Пер. Ал. Коско. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 71—72; «Odrodzenie», 1947, N 45. Если бы выставить в музее... (Jeśliby w muzeum wystawić)... Пер. П. Кожуха. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 79—92. Когда я итожу... (Kiedy odmierzam...). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 73—78; «Przyjaźń», 1949, N 44; «Odrodzenie», 1947, N 45. Слова у нас, до важного самого... (Słowa nasze, nawet co ważniejsze...). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 69—70; «Odrodzenie», 1947, N 45. Кто мчит с приказом... (Tu biegnie ktoś z rozkazem). Пер. Ад. Важики. — Часть отрывка, помещенного в сб.: «Majakowski. Wiersze». K.—L., 1940, с. 73—78; «Dziennik literacki», 1949, № 20. Я знал рабочего (Znałem robotnika...). Пер. Фр. Парецкого. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 66—68; «Odrodzenie», 1947, № 45.

¹ Библиография неполная.

- Различные отрывки: «Trybuna wolności», 1949, N 3; «Przyjaźń», 1948, N 1; «Kuźnica», 1947, N 45; «Trybuna ludu», 1948, № 307; «Odrodzenie», 1945, № 44; «Radio i świat», 1949, N 48; «Żołnierz polski», 1948, N 45.
- Во весь голос (Pełnym głosem). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 201; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 95—101; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 340—346; «Kuźnica», 1947, N 45.
- То же. На cały głos. Пер. Вл. Броневского. — «Kuźnica», 1946, N 23.
- Возьмем винтовки новые (Karabin ujmij w kułak). Пер. Л. Шенвальда. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 144—145.
- Война и мир (Wojna i pokój). Пер. Ан. Стерна. — Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 59—61.
- То же. Пер. Ан. Стерна. — Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 305—306.
- Германия. Отрывок «Немецкая песня» (Niemiecka pieśń). Пер. Вл. Броневского. — Majakowski. Wybór poezji, W., 1927, с. 59—61.
- Гимн судьбе (Sędziowie). Пер. Ан. Стерна. — Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 108—109.
- Десятилетняя песня (Dziesięcioletnia pieśń). Пер. В. Ворошильского. — «Armia Radziecka», W., 1949.
- То же. Пер. Л. Пастернака. — Leon Pasternak. Strofy gniewu. 1949, с. 83—85; «Dziennik literacki», 1949, N 3.
- Дешевая распродажа (Tania sprzedaż). — «Gazeta polska», W., 1922, N 7.
- Домой! (Do domu). Пер. Вл. Броневского. — «Miesięcznik literacki», 1930, N 6.
- То же. Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 168—170; «Odrodzenie», 1949, N 45; «Kuźnica», 1947, N 40.
- То же. Пер. Л. Левина. — «Dziennik literacki», 1949, N 45; «Kuźnica», 1948, N 46.
- Жорес (Jaurès). Пер. Фр. Парецкого. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 177—172; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 81—84.
- К ответу! (W odpowiedzi). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 177—179; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 81—84.
- Кемп «Нит гедайге» (Kemp «Nit gedaiget»). Пер. Л. Пастернака. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 165—167; Leon Pasternak. Strofy gniewu. 1949, с. 86—90.
- Кое-что о дирижере (Coś-niecoś o dyrygencie). Пер. Вл. Слободника. — Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 118—119.
- Комсомольская (Komsomolska). Пер. Л. Шенвальда. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 93—97.
- Левый марш (Marsz). — «Kultura robotnicza», W., 1922, N 8.
- То же. Пер. А. Слонимского. — Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 50—51; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 18—19; «2 wieki poezji radzieckiej», 1947, с. 301—302; «Armia radziecka», W., 1949.
- То же. Пер. Л. Шенвальда и Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 46—47; Majakowski. Wiersze wybrane, с. 20—21; «Rejsy», 1948, N 46.
- Летающий пролетарий (Latający proletariusz). Пер. Л. Шенвальда. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 112—113.
- Люблю (Kocham). Отрывки: Ты (Ty). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 59—60; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 33—34. — Мой университет (Mój uniwersytet). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 58—59.
- Мама и убитый немцами вечер (Mama i zabity przez Niemców wieczór). Пер. Ю. Пшибоса. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, 16—17; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 1—2; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 284—286.
- Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела (Prężność oddechu, mięśniów, ciała wzmacniaj z pożytkiem dla wojennych działań). Пер. П. Рожуха. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 128—130.
- Мы не верим! (Nie wierzymy). Пер. Е. Путрамента. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 64—65.
- Наш марш (Nasz marsz). — «Trybuna radziecka», M., 1930, N 42—43.
- То же. Пер. Вл. Броневского. — «Miesięcznik literacki», W., 1930, N 6.
- То же. Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 43.
- Нашему юношеству. (Отрывок «Москва»). Пер. В. Ворошильского. — «Kuźnica», 1949, N 32.
- Не юбилейте! (Nie jubilujcie). Пер. Л. Шенвальда. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 124—127.

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским на даче (Osobliwa przygoda, jaka zdarzyła się Włodzimierzowi Majakowskiemu na letnisku). Пер. Л. Шенвальда. — Majakowski. Wiersze. K.—L., с. 48—51; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948 с. 27—30; Szenwald L. Utwory wybrane. 1946; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 297—300.

О дряни (O plugastwie). Пер. Фр. Парецкого. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 52—54; «Szpilki», 1948, N 49.

Облако в штанах (Oblok w spodniach). Ч. I. Пер. Ан. Стерна. — «Nowa sztuka», W., 1921; Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 71—77.

То же. Пер. Юл. Тувима. Отд. изд. W., 1923. Ч. I: «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 286—291. Ч. II: Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 78—81; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 13—15.

То же. Пер. М. Яструна. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 18—40; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 7—12.

Октябрьский марш (Marsz październikowy). Пер. Л. Пастернака. — «Dziennik literacki», 1949, N 3; «Przyjaźń», 1948, N 2; Leon Pasternak. Strofy gniewu, 1942, с. 91—95.

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви. (List z Paryża do towarzysza Kostrowa o istocie miłości). Пер. Яна Котта. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 180—184; «Nowiny literackie», 1948, N 45.

Польша (Polska). — «Głos radziecki», Клен, 1937, № 85; «Kultura mas», M., 1930, № 2.

Порт (Port). Пер. Ан. Стерна. — Majakowski. Wybór poezji. W., 1927, с. 105.

Послание пролетарским поэтам (Orędzie do poetów proletariackich). Пер. Л. Пастернака. — «Przyjaźń», 1949, N 10/4; Leon Pasternak. Strofy gniewu. 1949, с. 67—74.

Поэтрабочий (Poeta-robotnik). — «Robotnik», W., 1921, N 306.

То же. Пер. Вл. Броневского. Majakowski. Wybór poezji. 1927, с. 103—104; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 25—26; «Kućnica», 1946, N 37.

Прозаседавшиеся (Posiedzeniarsze). Пер. Е. Путramenta. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 55—57; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 34—35; «Kućnica», 1947, N 40.

Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий (Proletarka, proletariusz powinni zwiedzić planetariusz). — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 146—148.

Прощание (Pożegnanie). Пер. Яна Котта. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 185.

Разговор с товарищем Лениным (Rozmowa z towarzyszem Leninem). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 195—197; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 88—90; «Odrodzenie», 1947, N 45.

Разговор с фининспектором о поэзии (Rozmowa z inspektorem podatkowym o poezji). Пер. Я. Бжехвы. — «Odrodzenie», 1948, N 45.

Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру (Opowiadanie gisera Iwana Kozurewa o wprowadzeniu się do nowego mieszkania). Пер. Фр. Парецкого. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, 189—191; «Odrodzenie», 1949, N 10.

Рассказ о Кузнецкстрое и людях Кузнецка (Opowieść o Kuźnickostroju i ludziach Kuźnicka). Пер. Б. Алапина. — «Przyjaźń», 1949, N 10.

С товарищеским приветом Маяковский (Pozdrowienie towarzyszom od Majakowskiego). — «Kultura robotnicza», W., 1922, N 9.

Селькор (Korespondent wiejski (selkor)). Пер. П. Кожуха. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 114—115.

Сергею Есенину (Sergiuszowi Jesieninowi). Пер. Л. Пастернака. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940 г., с. 116—120; «Kućnica», 1949, N 4.

Сифилис (Syfyllis). Пер. В. Ворошильского. — «Dziennik literacki», 1948, N 50.

Скрипка и немножко нервно (O wiolonczeli nerwowo). Пер. Юл. Пшибоса. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1949, с. 14—15; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 281—282.

Солнечный флаг (Słoneczna chorągiew). Пер. Л. Пастернака. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 192—194; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 85—87; «Przyjaźń», 1948, N 5; «Dziennik literacki», 1949, N 5—6; Leon Pasternak. Strofy gniewu. 1949, с. 75—78.

Стихи о советском паспорте (Wiersze o radzieckim paszporcie). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 198—200; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 91—94.

Тамара и демон (Tamara i Demon). Пер. Ад. Важики. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 107—111.

Товарищу Нетте, пароходу и человеку (Towarzyszowi Nette, parowcowi i człowiekowi). Пер. Л. Пастернака. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 121—123; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 52—54; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 309—311.

Тропики (Zwrotniki). Пер. Ст. Е. Леца. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 163—164.

Хорошее отношение к лошадям (Dobre obchodzenie się z końmi). Пер. М. Яструна. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 44—45; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 31—32; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 295—296.

Хорошо! (Dobrze!). Пер. Арт. Сандауера. W., 1945.

То же. Пер. Арт. Сандауера, Инсценировка Вл. Красновецкого, W., 1942.

Отрывки в переводе Арт. Сандауера: Majakowski. Wiersze wybrane, 1948, с. 67—68; «Кузница», 1945, N 2; «Odrodzenie», 1947, N 3.

Отрывки в переводе Ад. Важика: «Кузница», 1948, № 43; «Przekrój», 1948, № 24, 187.

Отрывок в переводе Вл. Броневского: Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 56—61; «Miesięcznik literacki», W., 1930, N 6.

Отрывки в переводе Ст. Е. Леца: Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 131—143; Majakowski. Wiersze wybrane. W., 1948, с. 62—65, 69, 70.

Различные отрывки: «Przyjaźń», 1947, N 10—11; «Trybuna Ludu», 1949, N 276.

Чугунные штаны (Spodnie z żeliwa). Пер. Л. Пастернака. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 186—188.

Чудеса! (Cuda!). Пер. С. Полляка. — «Odrodzenie», 1948, N 49.

Юбилейное (Jubileuszowe). Пер. Ад. Важика и С. Гинчанки. — Majakowski. Wiersze. K.—L., 1940, с. 98—106; «2 wieki poezji rosyjskiej», 1947, с. 312—321.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	7
Д. Ф. Марков. Маяковский и болгарская революционная поэзия	9
Библиография.	29
I. Переводы произведений В. Маяковского на болгарский язык. . . .	29
II. Болгарская критика о В. Маяковском	33
С. В. Никольский. Маяковский в Чехословакии	36
Л. С. Фейгельман. Маяковский в Польше	46
Н. Х. Иванова. О переводах произведений Маяковского на польский язык	69
Библиография.	82
Переводы произведений В. Маяковского на польский язык	82

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

Редакторы издательства:
Н. И. Игнатова и А. Т. Лифшиц
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. К. Гарди*
Обложка художника *Н. М. Егорова*

РИСО АН СССР № 4317. Т-00142. Издат.
№ 2825. Тип. заказ № 1810. Подп. к печ.
22/II-1951 г. Формат бум. 70 X 108¹/₈
Бум. л. 2 ³/₄. Печ. л. 7,53. Уч.-пед. л. 7.
Тираж 5000

1-я тип. Изд. Академии Наук СССР,
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
50	12 св.	17/X 1929 г.».	17/IV 1927 г.».
52	2 сл.	1927.	1926.
54	23—24 »	Образ Домбровы, грозно смотрящей на кризис и фашизм,	Образ Домбровы, грозно смотря- щей в ночь кризиса и фашизма,
58	22 св.	дает	даст
60	14 сл.	жить	выжить
62	1 »	W., 1949,	W., 1949, № 51—52
62	9 »	, выражающее	выразить
62	20 »	«Homo sapiens»	«Homo sapiens» и другие,

Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. I

Цена 5 р. 50 коп.

200

inslav май. 1951 ix 29 кален. № 176.